Канатчиков С.
Как рождалась окт. р-ия.
Л., 1925.

Й В РОТ

БИБЛИОТЕКА ПАРТИЙЦА
под общей ред. Н. БУХАРИНА, И. ВАРЕЙКИСА и ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО.

С. КАНАТЧИКОВ

КАК РОЖДАЛАСЬ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД :: 1925

Ленинградский Гублит № 113. Печ. 40.130.—6 л. Зак. № 290.

Государственная тип. им. т. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

1. Как учились рабочие и крестьяне революционной борьбе.

Революция 1905—1907 г.г. у нас в России была первым огромным наглядным обучением широких масс рабочих и крестьян. Она первый раз в истории поставила лицом к лицу борющиеся классы: капиталистов и рабочих, крестьян и помещиков, царское самодержавие и революционные народные массы в целом.

Эта революция впервые заставила открыто высказаться—в печати, на митингах, собраниях, в Государственной Думе—различные общественные классы и группы, как они относятся к царскому самодержавию, с кем они вместе будут бороться и кого будут поддерживать в этой борьбе.

В короткий срок эта революция научила даже самые отсталые рабочие массы, что ни просьбами, ни мольбами нельзя улучшить своего тяжелого бесправного положения, что главным врагом рабочих и крестьян является царское самодержавие вместе с помещиками и капиталистами и что свергнуть его можно только насильственным путем, путем вооруженной борьбы.

Вот краткий перечень уроков-событий до и после революции 1905 года, научивших рабочих и крестьян, как вести борьбу в будущем и как разбираться в том, кто является их врагом и кто—другом в этой борьбе.

До 9-го января 1905 года огромные массы петербургских рабочих, за исключением небольшой вер-

хушки сознательных, еще слепо верили в царя и надеялись мирным путем вымолить у него улучшение своего тяжелого материального и правового положения. Огромной массой в 200 тысяч человек они двинулись к царскому дворцу под предводительством попа Гапона.

Верившие в царя темные рабочие шли с иконами, хоругвями, с царскими портретами. Они хотели лично говорить с царем и изложили свои требования на бумаге (петиция). Однако, царь не только не вышел к рабочим, но даже приказал преградить им доступ к нему вооруженной силой.

А когда рабочие попытались проникнуть ко дворцу, то солдаты открыли по ним стрельбу, после чего оказалось свыше 1.000 человек раненых и убитых.

Такой дорогой ценой заплатили отсталые рабочие за свою веру в царя. Теперь они поняли, что царь— их лютый враг и что улучшения тяжелого материального положения нужно добиваться не просьбами, а— борьбой.

Весь 1905 год по всей России происходили непрерывные экономические забастовки не только на больших фабриках и заводах, но также и в мелких ремесленных мастерских, где положение рабочих было особенно тяжелым.

Летом того же года произошло восстание на броненосце „Потемкин" и других судах Черноморского, а затем и Балтийского флотов. Восстания эти не были поддержаны другими войсками, и царское правительство жестоко расправилось с попавшими в его руки матросами.

Наконец, в октябре 1905 года разразилась всеобщая железнодорожная забастовка.

Перепуганное царское правительство пошло на уступки и издало известный лживый манифест „17-го

октября“ о свободах, в котором оно обещало, между прочим, созвать Государственную Думу.

В Петербурге, в Москве и других городах образовались Советы Рабочих Депутатов и стали подготовлять рабочие массы к дальнейшей борьбе с самодержавием.

Возгорелась ожесточенная борьба. Исчерпав все мирные средства, рабочие взялись за оружие и в Москве дали первый вооруженный бой самодержавному правительству.

Москва покрылась сетью баррикад. Царское правительство прислало войска из Питера.

После отчаянного сопротивления московское вооруженное восстание было подавлено.

После того как революция в главных промышленных центрах была подавлена, в деревнях стало раскачиваться крестьянство. Крестьяне громили помещичьи имения, жгли усадьбы, угоняли скот, захватывали землю. Было разгромлено около 2.000 помещичьих имений.

Но крестьянские восстания начались после подавления революции в городах. Происходили они неорганизованно, недружно, а потому царское правительство также подавило их. Вследствие несогласованности действий рабочих и крестьян, царское правительство разбило первую русскую революцию.

Московское вооруженное восстание было высшей точкой, до которой поднялась революция 1905 года.

„Предстоящий под‘ем революционной волны,—писал тогда тов. Ленин,—должен будет начаться с того, на чем остановилось московское вооруженное восстание“.

После поражения революции началась жестокая полоса расправ.

Царское правительство мстило своим врагам. Тюрьмы переполнились рабочими, крестьянами-аграр-

никами, матросами и солдатами. Упадок, разочарование и усталость охватили широкие круги интеллигенции.

Началось бегство из рядов революционных партий.

Это время называется эпохой упадка или реакции.

Только наша Партия—Партия большевиков, руководимая тов. Лениным, сохранила достаточное самообладание и стойкость. Она призывала передовых рабочих не покидать революционных постов, не свертывать своего революционного знамени, как это делали меньшевики-ликвидаторы[1], а готовиться к новым боям с самодержавным правительством, используя отвоеванные у него за время революции легальные возможности.

„Нужно звать рабочих,—писал тогда тов. Ленин,—чтобы они под руководством нашей Партии использовали самый реакционный парламент в мире—Государственную Думу, приняли самое активное участие в выборах депутатов и послали бы туда наиболее стойких защитников рабочего класса". Нам необходимо также, говорили мы, работать во всех легальных, дозволенных правительством обществах, где бывают рабочие, в профсоюзах и т. п. Но, принимая участие в этих обществах, мы всегда должны организовывать внутри их свои большевистские ядра из преданных революции рабочих.

Несмотря на преследования и аресты, наша Партия постоянно призывала рабочих умело использовать изменившуюся обстановку и научиться работать, сочетая и увязывая подпольную работу с легальной. Рабочие и крестьяне за время реакции имели возможность наблюдать борьбу Партии в четырех Государственных Думах и слышать неустанные разоблачения депутатов-большевиков.

---

[1] Меньшевиками-ликвидаторами в то время называлась большая часть с.-д. меньшевиков, потому которые считали, что революция закончена, и призывали к ликвидации подпольной революционной организации.

В 1912 г. вспыхнула забастовка на золотых приисках, принадлежавших Ленскому Золотопромышленному Обществу. Как и 9-го января 1905 г., мирная, безоружная толпа рабочих была расстреляна. Этот расстрел всколыхнул всю рабочую массу России, об‘единив ее в одном могучем протесте. По всей России прокатились забастовки протеста по поводу расстрела ленских рабочих. Для всех стало ясно, что зреет новый, еще более грандиозный под‘ем революционной волны.

Партия большевиков, к этому времени уже окончательно порвавшая всякую связь с меньшевиками, стала издавать, незадолго до Ленского расстрела, легальную газету „Правду“. За короткое время „Правда“, издававшаяся на средства, собранные самими рабочими, завоевала среди них огромные симпатии.

Меньшевики-ликвидаторы также создали свою газету — „Луч“, пытавшуюся проводить в рабочие массы либеральную рабочую политику.

Началась ожесточенная борьба за влияние на рабочие массы. Эта борьба, в конце концов, закончилась решительной победой большевиков. Рабочие пошли за большевиками.

К началу 1914 года рабочее движение начало все больше шириться и крепнуть.

Для каждого было ясно, что скоро последует новый под‘ем революционного движения, который на этот раз, учтя опыт 1905 года, окончательно свергнет самодержавие.

2. Империалистическая война.

Разразившаяся летом 1914 г. империалистическая война положила временно конец нараставшему революционному движению.

Рабочие организации были разгромлены, газеты и журналы закрыты, наиболее передовые рабочие и революционные работники были брошены в тюрьмы или сосланы в ссылку.

Меньшевики начали колебаться, а многие из них открыто перешли в лагерь „патриотов“ и стали поддерживать империалистическую войну. Они заявляли, что эта война носит оборонительный характер и что обязанность каждого социалиста — защищать свою родину, когда на нее нападает враг. За это их прозвали оборонцами.

У большевиков осталась лишь одна отдушина, через которую возможно было кое-как заявить перед рабочими и крестьянами свой протест против братоубийственной бойни, это — большевистская фракция Государственной Думы. Фракция эта повела решительную борьбу против войны. Большевистская фракция Государственной Думы, в которую входили рабочие-большевики Бадаев, Муранов, Петровский, Самойлов и Шагов, обратилась с воззванием-протестом против войны к рабочим и крестьянам.

Царское правительство при поддержке буржуазии жестоко расправилось с нашими товарищами—членами Государственной Думы.

Их арестовали, несмотря на депутатскую „неприкосновенность“, бросили в тюрьму, а затем „по суду“ отправили в ссылку на поселение в далекую Сибирь.

1-го ноября 1914 года наш ЦК выпустил манифест, в котором он раскрывал разбойничьи цели империалистической войны:

„Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и

других стран, раз‘единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда, в целях ослабления революционного движения пролетариата,—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны“.

„Для нас, русских социал-демократов,—говорилось далее в манифесте,—не может подлежать сомнению, что, с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всей России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии“.

В заключение манифест ЦК нашей Партии призывал „к превращению современной империалистической войны в гражданскую войну“, т.-е. в войну против буржуазии своей страны.

Таков в общих чертах, коротко, тот долгий, мучительно-тяжкий опыт революционной борьбы с самодержавием трудящихся масс России, который они проделали до Февральской революции.

Но без этого мучительного опыта мы не могли бы проделать Октябрьскую революцию и захватить власть в свои руки.

Эта же школа революции также создала и выковала самую могущественную, дисциплинированную и революционную партию в мире, Партию большевиков, руководительницу рабочего класса, без которой невозможен был бы захват власти в Октябре.

3. Февральская революция.

Февральская революция, как и предсказывал т. Ленин, началась с того, на чем она остановилась в декабре 1905 года в Москве, т.-е. с вооруженного

восстания. Рабочее движение накануне Февральской революции отличалось стойкостью и упорством. В нем сразу же приняли участие огромные массы петроградского пролетариата. По официальным отчетам, 23-го февраля 1917 года в стачках принимало участие 87.534 чел., а 25-го февраля это число повысилось уже до 240 тысяч человек.

Рабочие заводов и фабрик, наводнившие улицы Петрограда, сразу же вступили в сражение с полицией и жандармерией.

Волны рабочего движения захватили петроградский гарнизон и увлекли за собой уже подготовленных и недовольных истребительной войной солдат.

Вот как описывает в одном донесении начальник охранного отд. „беспорядки“ 24-го февраля: „Происходившая вчера забастовка рабочих по поводу недостачи хлеба сегодня продолжалась, при чем в течение дня не работало 131 предприятие с 158.583 челов.

„Явившись с утра на заводы, мастеровые решивших бастовать предприятий после непродолжительных совещаний расходились частью по домам, а частью выходили на улицы и производили «беспорядки».

„Около 9 часов утра явившиеся на завод «Айваз» 3.500 рабочих,—продолжает далее охранник,—собрались в помещении автомобильного отдела и устроили сходку, на которой посторонние ораторы произносили речи, выражавшие недовольство правительству и призывавшие рабочих к сплочению, энергичному выступлению и т. д.“.

Партия большевиков с первой же минуты приняла в разраставшемся движении самое энергичное участие и стремилась придать ему бóльшую планомерность и организованность.

25-го февраля 1917 года Петроградский Комитет нашей Партии выпустил следующую прокламацию:

„Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

„На фронте — кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню. — Нельзя молчать.

„Отдавать братьев и детей на бойню, а самим подыхать от холода и голода и молчать без конца — это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

„Все равно не спасешься. Не тюрьма — так шрапнель; не шрапнель — так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

„Требуют хлеба — отвечают свинцом. Кто виноват?

„Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются; не успевают считать барыши, тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

„Все на борьбу. На улицу. За себя, за детей, за братьев!“

Так заканчивалась эта прокламация.

Решающей и руководящей революционной силой в эти дни был петроградский пролетариат, а за ним шло крестьянство в лице солдат.

В первые дни революции положение нашей Партии было чрезвычайно тяжелым.

Как известно, потребности войны создали огромную военную промышленность. Буржуазия расширила фабрики и заводы, стянув в них огромные кадры рабочих. Таким образом, число рабочих значительно увеличилось, но состав этих рабочих был чрезвычайно сырой и политически мало воспитанный.

В начале войны рабочие, прошедшие большевистскую политическую школу борьбы, были в первую

очередь мобилизованы на фронт, как неблагонадежный элемент, и массами погибли на фронте в первых же боях. Ибо царское правительство, как своих злейших врагов, посылало их в наиболее опасные места.

С другой стороны, фабрики и заводы заполнялись пришельцами из деревень или же различными мелкобуржуазными элементами, укрывавшимися от войны на заводах и фабриках, работавших на оборону.

К этому нужно прибавить и то, что большая часть большевиков была или разбросана царским правительством по далекой Сибири, или загнана в эмиграцию за границу.

Вследствие всех этих обстоятельств, у власти хозяевами политического положения, создавшегося в первое время после Февральской революции, очутились различные мелкобуржуазные и просто буржуазные партии: меньшевики, эс-эры, кадеты и т. п.

„Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась,—писал в то время тов. Ленин в „Письме издалека“[1]. — Эта первая революция, наверное, не будет последней“.

В этом же своем письме, в то время, когда прихвостни буржуазии—меньшевики и эс-эры, захлебываясь от восторга, произносили трескучие соглашательские речи, тов. Ленин трезво оценивал борющиеся классы и набрасывал для трудящихся масс предстоящие пути борьбы. „Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, — писал он далее, — необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторического характера“. „Первая русская революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914 г.г.) обнажила всю суть царской

[1] Статья „Письма издалека“ написана была т. Лениным за границей при получении первых известий о падении самодержавия. Статья эта была напечатана в „Правде“ 21 и 22 марта 1917 г.

монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых“. Место свергнутых Романовых в февральско-мартовские дни заняла буржуазия, которая образовала Временный Комитет Государственной Думы.

Буржуазия сама не только не принимала участия в революции, но всеми силами старалась потушить и уничтожить начинавшую разгораться революцию. Она за спиной рабочих и крестьян пыталась столковаться с самодержавием, сначала убеждая его сделать „уступки“ революции, но когда это ей не удалось, она пыталась провозгласить императором Михаила Романова.

Основным желанием буржуазии было захватить и удержать власть в своих руках для подавления революции и продолжения империалистической войны, чего требовали от нее Англия и Франция.

Образовав Временный Комитет Государственной Думы, буржуазия вскоре начала стягивать к нему все свои силы: она выписала с фронта ген. Корнилова для восстановления полного „порядка“ и повела энергичную борьбу за власть и влияние с образовавшимся Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

Образование Временного Комитета Госуд. Думы явилось вынужденным вследствие того, что всякие надежды сговориться с царским правительством рухнули. Вот как описывает Родзянко, бывший председатель Государственной Думы, а затем и председатель Временного Комитета, в своих воспоминаниях причины, побудившие Государственную Думу образовать Временный Комитет Государственной Думы:

„Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться

хотя бы этим путем обуздать нарождавшуюся анархию и создать власть, которой бы послушались все и которая способна была прекратить нарождающуюся беду...“. „Колебаться было уже поздно, да и невозможно, в виду поступивших тревожных известий о волнениях, начавшихся в провинции...“.

В состав Временного Комитета Гос. Думы вошли следующие лица: Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Милюков, Караулов, Коновалов, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Некрасов и В. Н. Львов.

4. Образование Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Одновременно с образованием Временного Комитета Гос. Думы, 27-го февраля по старому календарю организовался и Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. В его состав вошли следующие лица: Скобелев, Чхеидзе, Гвоздев, Гриневич, Панков, Керенский, Соколов, Суханов, Капелинский, Соколовский, Шатров, Стеклов, Залуцкий, Красиков, Шляпников, Александрович-Дмитровский, Падерин, Енукидзе, Молотов, Эрлих, Рафес, Богданов, Батурский, Брамсон, Чайковский, Станкевич, Русанов, Зензинов, Пешехонов, Чарнолусский, Юренев, Стучка и Козловский.

За исключением восьми большевиков: Молотова, Залуцкого, Шляпникова, Енукидзе, Падерина, Стучки и Козловского, все остальные члены Исполнительного Комитета принадлежали к партиям меньшевиков и эс-эров и примыкавшим к ним партиям эн-эсов и трудовиков, т.-е. тем соглашательским группам, которые рассматривали Февральскую революцию как революцию буржуазную, долженствующую неизбежно передать власть в руки буржуазии. Соглашательский состав Исп. Ком. не ставил себе задачей развивать и

углублять революцию, к чему призывали большевики. Он думал лишь о том, как бы сгладить острые вопросы, могущие резко обострить борьбу и поставить пролетариат против буржуазии.

Лозунги: конфискация помещичьей земли, прекращение империалистической войны, введение 8-часового рабочего дня, которые с самого начала выдвигали большевики,—Исполнительный Комитет старался обойти мимо, дабы не возбуждать восставших рабочих и солдатских масс и тем самым не пугать буржуазии.

Но, несмотря на эти соглашательские настроения большинства Исполн. Ком-та, ему с самого начала пришлось вступить в борьбу с буржуазно-патриотическими, захватническими стремлениями Временного Комитета Госуд. Думы по вопросу о введении новых порядков в армии. Комитет Гос. Думы хотел во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности старую палочную дисциплину в войсках, дабы иметь возможность продолжать вести войну, а с другой стороны, опираясь на преданный ему командный состав, использовать армию для подавления революции. Однако в этом вопросе Исп. Комитет, под напором солдатских масс, проявил некоторую решительность, результатом чего был издан 1 марта 1917 года „Приказ № 1“.

В этом приказе, который буржуазия считала началом развала армии, предлагалось немедленно образовать во всех воинских частях выборные комитеты из нижних чинов.

В этом приказе также говорилось о том, что во всех своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

Самую решительную революцию произвел приказ этот в армии. Он положил конец бесконтрольному произволу контр-революционного офицерства и втянул сол-

датские массы в активную политическую борьбу. Наша Партия повела еще более усиленную агитацию в войсках против империалистической войны и раз'ясняла солдатско-крестьянским массам необходимость борьбы против помещиков и капиталистов.

Вскоре после своего образования Исполн. Комитет Сов. Раб. и Солд. Деп. вступил в переговоры с Врем. Ком. Гос. Думы об организации власти. Результатом этих переговоров явилось соглашение на основе следующей программы, которую должно было опубликовать Временное Правительство:

1. Полная немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военно-служащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы—устранение для солдат всех ограничений в пользовании обществен-

ными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Эти переговоры сопровождались некоторыми небезынтересными подробностями. По словам Суханова [1], пункт третий, где говорилось: „Временное Правительство не должно предпринимать никаких шагов, предрешающих будущую форму правления“... встретил возражения со стороны Милюкова [2], который отстаивал монархию и династию Романова с царем Алексеем и регентом [3] Михаилом. Он доказывал, что Романовы теперь уже не могут быть опасны, а Николай и для него неприемлем и должен быть устранен. А два другие, которых предлагал Милюков,—Алексей и Михаил,—не страшны: „Один—большой ребенок, а другой—совсем глупый человек“.

Милюков не хотел сказать истинную причину упорствования в этом пункте, но она для всех была ясна.

Чхеидзе [4] и Соколов [5] отмечали „не только неприемлемость, но и утопичность [6] плана Милюкова, указывая на всеобщую ненависть к монархии Романовых со стороны народных масс“.

В конце этих переговоров буржуазные представители были вполне удовлетворены, так как соглашательские представители Исполн. Комит. Совета не связывали рук Милюкову в вопросах внешней политики,

---

[1] Н. Н. Суханов (Гиммер) — внефракционный соц.-дем., интернационалист, позднее меньшевик. Член тогдашнего Исполкома Петерб. Совета; автор „Записок о русской революции“.

[2] П. Н. Милюков — лидер кадетской партии, проводивший политику империалистской буржуазии; был мин. иностр. дел во Врем. Правительстве первого состава.

[3] Регент — правитель.

[4] Н. С. Чхеидзе — социал-демократ, меньшевик, лидер меньшевистской партии в III и IV Государственных Думах. Председатель Петроградск. Совета до конца лета 1917 г.

[5] Н. Д. Соколов — до войны примыкал к большевикам, впоследствии оборонец.

[9] Утопичность — невыполнимость.

в его линии поведения по вопросу о продолжении империалистической войны.

Переговоры закончились образованием Временного Правительства в составе: председатель совета министров и министр внутренних дел—кн. Г. Е. Львов, министр иностранных дел—Милюков, министр военный и морской—А. И. Гучков, министр путей сообщения—Некрасов, министр торговли и промышленности—Коновалов, министр финансов — Терещенко, министр народного просвещения—Мануйлов, обер-прокурор святейшего синода—Вл. Львов, министр земледелия—Шингарев, министр юстиции—Керенский.

Для характеристики настроения Временного Правительства мы позволим себе привести здесь следующий разговор, происшедший на приеме у французского посла Палеолога между ним и министром иностранных дел Милюковым, записанный Палеологом 17 марта нов. стиля 1917 года.—Милюков тотчас же по вступлении на пост министра иностранных дел сделал визит французскому послу. Вот что читаем мы в дневнике Палеолога:

„— Мы не хотели этой революции перед лицом неприятеля, —заявил Милюков,—я даже не предвидел ее: она произошла без нас, по вине, по преступной вине императорского режима. Все дело в том, чтобы спасти Россию, продолжать войну до конца, до победы. Но народные страсти так возбуждены, что мы должны дать немедленно большое удовлетворение народному сознанию.

„В числе ближайших необходимых шагов он называет мне: арест большого числа министров, генералов, чиновников и пр.; об‘явление всеобщей амнистии, из которой, конечно, будут исключены слуги старого режима; уничтожение всех императорских эмблем; созыв в ближайшем будущем Учредительного

Собрания, одним словом—все, что может рассеять у русского народа боязнь контр-революции.

„— В таком случае династия Романовых свергнута?

„— Фактически—да, но юридически—нет. Одно только Учредительное Собрание будет уполномочено изменить политический строй России...

„— В общем, вы получили власть от революции.

„— Нет, мы ее получили, наследовали от великого князя Михаила, который передал ее своим актом об отречении...

„У Милюкова такой усталый вид, и потеря голоса за последние дни делает для него разговор столь мучительным, что я вынужден сократить беседу. Все же перед тем, как расстаться с ним, я настаивал на том, чтобы Временное Правительство не откладывало дальше торжественного заявления о своей воле продолжать войну до конца и верности союзу.

„— Вы понимаете, что такое ясное заявление необходимо. Я, конечно, не сомневаюсь в ваших личных чувствах. Но направление русской политики отныне подчинено новым силам; надо их немедленно ориентировать[1]... У меня есть другой мотив желать, чтобы об упорном продолжении войны и сохранении союзов было громко заявлено.

„— Вы получите две гарантии в этом отношении,—ответил на прощание Милюков".

---

[1] Ориентировать — направить.

5. Положение Партии большевиков после Февральской революции.

Разгромленная в дни реакции, Партия большевиков имела после Февральской революции весьма слабое влияние на широкие массы рабочих и солдат. Однако, вскоре после Февральской революции стали возвращаться из далекой ссылки, с каторги, из тюрем, из заграницы, разбросанные царским правительством по всем местам старые закаленные бойцы. Они быстро завязали связи с районами, повели работу в войсках, связались с массами и быстро стали увеличивать влияние Партии. Как уже было сказано, в начале Февральской революции большевики были настолько слабы, что в первом Всероссийском Совещании Советов Рабочих и Солдатских Депутатов большевистская фракция едва насчитывала около 60-ти человек из более 2.000 делегатов. Вначале их называли утопистами, фантазерами, фанатиками, вредными мечтателями и т. п. именами, которыми их награждали наши враги—меньшевики и эс-эры.

4-го апреля ст. стиля вернулся после долгих мытарств из-за границы тов. Ленин с группой старых большевиков.

Уже один приезд тов. Ленина был целым событием. На Финляндском вокзале, откуда ожидалось прибытие тов. Ленина, собрались огромные толпы рабочих и солдат, и даже меньшевики не сочли возможным не приветствовать тов. Ленина по случаю его прибытия в Россию.

До приезда тов. Ленина, вследствие того, что многие наши товарищи находились в ссылке или в тюрьме, оторванные от живой политической жизни, не имея никаких известий с воли, они естественно вначале оказались не в курсе текущих событий; не-

редко случалось, что они поэтому неверно оценивали происходящие события. Естественно, что эти колебания в наших рядах не могли не отразиться в первых номерах центрального органа Партии—„Правды", которая вновь стала выходить в первые дни Февральской революции.

С приездом тов. Ленина дело приняло совершенно другой оборот. Он придал тактике нашей Партии строгую определенность и отчетливость. Наметил пути, по которым должны итти рабочие массы в борьбе со своими классовыми врагами. Эти свои взгляды на судьбы нашей революции он изложил тотчас же по приезде на целом ряде собраний в знаменитых тезисах (пунктах). В этих тезисах он доказывал, что ведущаяся Временным Правительством война является войной грабительской, так как это правительство состоит из капиталистов и в силу этого своего классового характера никакой другой линии оно вести не может. А потому, говорил тов. Ленин, мы не должны делать ни малейшей уступки ради поддержки этой войны. Мы могли бы согласиться на ведение войны лишь только в том случае, если бы власть перешла в руки пролетариата и примыкающей к нему беднейшей части крестьянства.

В настоящее время, говорил он, наша Партия является ничтожным меньшинством не только в Советах, но также и в массах. В этом нужно сознаться прямо и открыто. Но эти рабочие и крестьянские массы скоро убедятся на опыте в ошибочности тактики соглашательских партий, поддерживающих войну. Поэтому нам необходимо настойчиво и терпеливо вести пропаганду по раз'яснению широким массам, что без свержения правительства капиталистов нельзя окончить войны. Мы не должны оказывать никакой поддержки Временному Правительству, мы должны раз'яс-

нять широким массам полную лживость его обещаний. Своеобразие текущего момента в России, говорил тов. Ленин, состоит в том, что мы переживаем первый этап революции, который вследствие несознательности и неорганизованности масс дал власть в руки буржуазии. Теперь мы должны готовиться ко второму этапу революции, который даст власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Необходимо раз'яснять массам, что Советы Рабочих Депутатов являются единственной возможной формой революционного правительства, и наша задача состоит в том, чтобы систематически и настойчиво раз'яснять массам ошибочность тактики мелкобуржуазных соглашательских партий, вырывая эти массы из-под их влияния. Нам теперь нужна не парламентская республика, а республика Советов Рабочих, Батрацких и Солдатских Депутатов по всей стране, снизу доверху. В области земельных отношений мы должны требовать национализации всех земель в стране и распоряжения землею местными Советами Батрацких и Крестьянских Депутатов.

Эти взгляды тов. Ленина, изложенные им на одном из многолюдных собраний в бывшем Таврическом дворце, вызвали бурю негодования не только в буржуазных и контр-революционных кругах. С таким же остервенением и ожесточением набросились на него и вожди мелкобуржуазных и соглашательских партий— меньшевики и эс-эры. В буржуазной и соглашательской печати поднялся вой, и началась травля против большевиков. Тов. Ленина, Зиновьева и других обвиняли в том, что они являются германскими шпионами, присланными германским правительством в запломбированных вагонах для агитации против войны, с целью разложить русскую армию. Другие называли взгляды тов. Ленина сумасшедшими „бредовыми“ идеями и т. д.

Тем не менее, наша Партия повела энергичную работу в массах.

Для всех было очевидно, что Временное Правительство не только не торопится с разрешением больных вопросов, но, напротив, всячески старается отодвинуть и затянуть их решение. В то же время это правительство, подгоняемое и подталкиваемое западно-европейскими „союзниками“—Англией и Францией, стягивало вокруг себя все контр-революционные силы, организовывало их и готовилось к тому, чтобы в один прекрасный день избавиться от своих соглашательских друзей, захватить полностью власть в свои руки, разогнать Советы и повести более решительно и энергично войну с Германией.

Между тем соглашательские партии, руководившие Советами и поддерживавшие Временное Правительство, старались уклониться от разрешения стоящих на очереди вопросов, как-то: об окончании войны, которого ждали утомленные войной солдаты, о конфискации помещичьих земель, которой требовали крестьянские массы, о контроле над производством и распределением продуктов, которого требовали рабочие в городах.

Состоявшаяся в апреле грандиозная демонстрация рабочих с лозунгами: прекращение войны и отставка буржуазных министров — воочию показала, что рабочие массы мало-по-малу начинают высвобождаться из-под влияния соглашательских партий и переходят на сторону большевиков.

В конце апреля 1917 г. нашей Партией была созвана Всероссийская Конференция для обсуждения ряда вопросов, стоявших на очереди дня. На этой Конференции уже стало очевидно, что завоевание большевиками рабочих и крестьянских масс подвигается довольно быстро и что необходимо более точно и отчетливо формулировать и обосновать наши требования,

В основу принятых после долгого обсуждения резолюций этой Конференции легли тезисы тов. Ленина. В рядах нашей Партии, у подавляющего большинства ее, уже не было никаких сомнений, что Февральская революция является лишь подготовительной ступенью к переходу власти в руки пролетариата.

В резолюции, принятой Конференцией о *войне*, снова подтверждался грабительский характер ведущейся Временным Правительством войны и подчеркивался тот факт, что правительство не может и не хочет разорвать тайные договоры, заключенные правительством Николая II, и прекратить войну.

Так называемое „революционное оборончество“, — говорилось в резолюции, — которое поддерживает Временное Правительство и его политику и которое охватило в России все народнические партии, а также партию с.-д. меньшевиков и большинство беспартийных революционеров, представляет из себя по своему классовому значению интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, революционное оборончество порождено обманом капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению не заинтересованы в прибылях капиталиста. Поэтому Конференция считает необходимым продолжать раз‘яснять обманутым рабочим и крестьянским массам лживость тактики капиталистов и соглашателей. Конференция снова подтверждает, что окончить войну может класс трудящихся, который возьмет власть в свои руки.

Об отношении к Временному Правительству Всероссийская Конференция большевиков вынесла следующее решение:

1. Временное Правительство по своему характеру является органом помещиков и буржуазии.

2. Оно и представляемые им классы неразрывно связаны экономически и политически с русским и англо-французским империализмом.

Далее, организующиеся силы буржуазной и помещичьей реакции, прикрываясь знаменем Временного Правительства, при явном содействии со стороны последнего, уже начали атаку против революционной демократии: Временное Правительство оттягивает назначение выборов в Учредительное Собрание, препятствует всеобщему вооружению народа, противодействует переходу всей земли в руки народа, навязывая ему помещичьи способы решения аграрного вопроса, тормозит введение 8 часового рабочего дня, попустительствует контр-революционной агитации в армии, организует верхи командного состава армии против солдат и т. д.

По земельному вопросу апрельская Конференция приняла решения:

1. Требовать немедленной и полной конфискации всех помещичьих земель в России.

2. Партия решительно выступает за немедленный переход всей земли в руки крестьянства, организованного в Советы Крестьянских Депутатов или действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3. Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве; означая передачу прав собственности на всю землю в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений.

Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей

порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

По вопросу об отношении к мелкобуржуазным оборонческим партиям Конференция приняла следующие решения:

1. Что партии эс-эров, с.-д. меньшевиков и т. п. перешли в громадном большинстве случаев на позицию революционного оборончества, т.-е. к поддержке империалистической войны (голосование за заем и поддержка Временного Правительства).

2. Что эти партии всей своей политикой проводят интересы и точку зрения мелкой буржуазии и развращают пролетариат буржуазным влиянием, внушая ему, будто можно изменить империалистическую политику правительства и совлечь с пути контр-революционных посягательств на свободу посредством соглашений, „контроля“, вступления в министерство и т. д.

3. Что эта политика усиливает доверчивое и несознательное отношение масс к капиталистам, между тем такое отношение является главным препятствием к дальнейшему развитию революции и создает возможность ее поражения силами помещичьей и буржуазной контр-революции.

По вопросу о текущем моменте Конференция высказалась в том смысле, что отказ от руководящей роли пролетариата в данной революции был бы ошибочным. Поэтому в настоящее время необходимо раз'яснять народу неотложность ряда назревших практических шагов к социализму. Таким шагом является, во-первых, национализация земли. Такая мера, хотя и не выходит из рамок буржуазного строя, но в то же время она нанесла бы сильный удар частной собственности на средства производства и усилила бы влияние социалистического пролетариата на полупро-

летарские слои деревни. Другой переходной мерой к социализму является установление государственного контроля за всеми банками, с об'единением их в единый центральный банк, а равно контроль за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов, с постепенным переходом к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имуществ.

Такие меры, говорит далее резолюция, экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях.

Все указанные и подобные мероприятия могут и должны быть не только обсуждаемы, но и подготовляемы для проведения их в общегосударственном масштабе, при условии перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям.

Как видят т.т. читатели, Конференция по вопросу о текущем моменте вполне определенно наметила путь для перехода от буржуазной революции к социалистической.

Намеченные Конференцией социалистические мероприятия переходного характера совсем не являются фантастическими и надуманными.

Напротив, они были нащупаны и выявлены из самих существующих условий нашей хозяйственой жизни.

Здесь весьма осторожно все увязано, предусмотрено, вплоть до того, как к этим переходным мероприятиям отнесутся крестьянские массы деревни. По мнению Конференции, эти мероприятия не только не восстановят большинства крестьянских масс против рабочих, а напротив, встретят с их стороны самую решительную поддержку.

Конференция учитывала, конечно, также и значение русской революции для рабочих других стран.

Вот что говорит она по этому вопросу:

„Русская революция является только первым этапом, первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной“.

„Во всех странах растет возмущение широких народных масс против класса капиталистов и сознание пролетариата, что только переход власти в его руки и уничтожение частной собственности на стредства производства спасет человечество от гибели“. И далее:

„Братское доверие и братский союз между рабочими разных стран — рабочими, ныне истребляющими друг друга ради интересов капиталистов, начинает таким образом, понемногу восстанавливаться, а это создает, в свою очередь, предпосылки для единодушных революционных действий рабочих разных стран. Такие действия одни только в состоянии гарантировать наиболее планомерное развитие и возможно более верный успех всемирной социалистической революции“.

Как видно из приведенной нами резолюции, апрельская Конференция большевиков вполне ясно представляла себе связь русской революции с революцией международной. Но она не строила свои расчеты исключительно на западно-европейские революции. Она пыталась, прежде всего, опираясь на реальное соотношение сил, организовать революцию внутри нашей страны.

6. Положение рабочего класса в революции.

По мере того, как Временное Правительство медлило с проведением реформ, революция в стране разгоралась все больше и больше. В крупных промышленных центрах рабочий класс вместе с солдатской массой постепенно высвобождался из-под влияния со-

глашательских партий и начинал переходить в наступление.

Во многих городах, как-то: в Царицыне, Красноярске, Томске, Кронштадте, власть фактически находилась в руках большевистски настроенных Советов. Временное Правительство пробовало запугивать непокорных строгими приказами, посылало своих комиссаров, угрожало послать войска, но из этого ничего не выходило.

Рабочие массы, подгоняемые войной и разрухой, требовали контроля над производством, введения 8 часового рабочего дня на фабриках и заводах и повышения заработной платы. На заводах и фабриках организовывались фабрично-заводские комитеты, которые пытались осуществлять рабочий контроль внутри каждого предприятия.

Фабриканты и заводчики, чувствуя непрочность создавшегося положения в производстве, всеми способами старались внести в него дезорганизованность и беспорядок: тормозили выдачу зарплаты рабочим, сокращали производство, закрывали предприятия, стараясь взвалить всю вину за разруху на рабочих.

А буржуазная печать в сотнях тысяч листков и газет распространяла клеветы и сплетни о том, что причиной разрухи являются сами рабочие, которые „лодырничают“, не хотят работать и требуют 8 часового рабочего дня в то время, когда солдаты на фронте гибнут от недостатка снарядов и вооружения и пухнут с голоду.

Этим способом буржуазия хотела натравить солдат на рабочих и посеять между ними вражду.

3-го июня на с‘езде промышленников была вынесена резолюция о неприкосновенности фабрик и заводов, в которой они решительно отвергали всякие попытки со стороны рабочих к установлению какого-либо контроля над производством.

„При существующих условиях мирового хозяйства никакой иной экономический строй, — говорилось в резолюции, — кроме капиталистического, в России невозможен. Поэтому бесплодны и безусловно вредны всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа на отдельных предприятиях. Вмешательство рабочих в управление предприятием, а тем более фактическое подчинение администрации промышленного предприятия рабочим, служащим и посторонним лицам, путем устранения членов администрации... подобные действия должны быть немедленно прекращены, — говорилось далее в резолюции промышленников, — как противоречащие интересам всего населения и государства".

Как видно из резолюции, промышленники решительно отвергали какой бы то ни было контроль со стороны рабочих, требуя их полного невмешательства, стремясь попрежнему сохранить полный произвол предпринимателей внутри предприятия.

В виду напора на Советы Рабочих Депутатов со стороны рабочих масс, они, конечно, не могли также не высказать свою точку зрения на вопрос о рабочем контроле.

Исполнительный Комитет Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов выступил с обширной экономической программой, в которой осуждал анархическое вмешательство рабочих в производство и предлагал Временному Правительству принять на себя обязанности регулирования производства, с привлечением представителей от всех производительных классов.

Таким образом, соглашательский Совет Рабочих Депутатов фактически передавал осуществление контроля над производством самим же капиталистам.

Меньшевики и эс-эры, со свойственной им мелкобуржуазной трусостью, в предложенной ими на конференции профессиональных союзов резолюции, предлагали рабочим не брать на себя „ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны“.

„Интересы пролетариата, — говорилось дальше в меньшевистско-эс-эровской резолюции,—также как и интересы всей трудящейся массы населения, — интересы революции требуют, чтобы все возможное было сделано для привлечения всех производительных классов населения к решению экономической задачи, стоящей перед страной“.

Партия большевиков решительно выступила против соглашательской политики меньшевиков и эс-эров в вопросе о рабочем контроле.

В резолюции Центрального Комитета Партии большевиков, предложенной тов. Зиновьевым и принятой с незначительными изменениями конференцией фабрично-заводских комитетов, говорилось:

„Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо, во-первых, чтобы во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими, не менее ³/₄ всех голосов, при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически, научно-образованного персонала; во-2-х, чтобы фабричные и заводские комитеты, центральные и местные Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а равно и профессиональные союзы, получили право участвовать в контроле, с открытием для них всех торговых и банковых книг, с обязательством сообщать им все данные; в-3-х, чтобы представители всех

крупных демократических и социалистических партий получили такое же право“.

Само собой понятно, что все рекомендуемые резолюцией мероприятия могут быть проведены в жизнь, конечно, не Временным Правительством. Поэтому последний пункт резолюции указывал, что „планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно при переходе всей государственной власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“.

Борьба за рабочий контроль выдвигалась нами как переходная мера к социализму, которая в последующие дни революции являлась одним из главнейших требований рабочих масс.

Насколько эта мера оказалась жизнеспособной, показывает то обстоятельство, что фабрично-заводские комитеты и доныне, при диктатуре пролетариата, играют не последнюю роль в производстве.

7. Крестьянство в революции.

Крестьянство, теснимое малоземельем, как мы видели уже в революцию 1905 года, вполне определенно ставило вопрос о конфискации помещичьих земель.

С начала Февральской революции этот вопрос еще более определенно стал перед крестьянством.

Да это и понятно:

30.000 помещиков в России владели 70.000.000 десятин земли, т.-е. по 2.000 десятин на каждого помещика, а 10 миллионов крестьянских дворов владели тоже 70—75 миллионами десятин земли, т.-е. на каждый двор приходилось около 7 с половиной десятин.

Однако, помещики сами (наемным трудом) обрабатывали лишь ничтожное количество земли.

Большую же часть земли они сдавали в аренду тем же крестьянам. Никаких улучшений крестьяне на этой земле не производили, и арендованную у помещиков землю они обрабатывали теми же своими допотопными земледельческими орудиями.

За время революции, с марта до начала августа, по данным правительственной статистики, крестьянство ставило вопрос о земле 2.367 раз, в виде разных захватов, запашек и конфискаций. На эти действия крестьянства Временное Правительство и Совет Рабочих Депутатов, в котором заправляли меньшевики и эс-эры, неизменно отвечали: ждите до Учредительного Собрания. Тем не менее, захваты помещичьих земель крестьянами происходили повсеместно. Крестьянство не хотело ждать до Учредительного Собрания, как пытались их уговаривать меньшевики и социалисты-революционеры. Оно скоро начало понимать, что без свержения буржуазного правительства и перехода власти в руки рабочих и крестьян им земли не получить. В свою очередь не дремали помещики и капиталисты, интересы которых в области разрешения земельного вопроса были тесно связаны.

Огромное большинство помещичьих земель, как известно, было заложено в банках буржуазии. Естественно, что конфискация помещичьих земель без выкупа ударяла не только по помещикам, которые теряли землю и закабаленных крестьян, но также и по буржуазии, в банках которой была заложена земля.

Землевладельцы-помещики всячески старались давить на Временное Правительство и Совет Рабочих Депутатов, дабы они воспрепятствовали самовольным захватам земель крестьянами. Вот что писали земле-

владельцы 3 мая о стихийном захвате земель Временному Правительству:

„В полном сознании, — говорилось в этой записке, — великой и нравственной ответственности перед родиной за выполнение возложенной на нас Временным Правительством обязанности по производству для нужд армии и населения продуктов продовольствия и фуража, мы, при полном забвении собственных интересов, приступили к исполнению возложенных на нас обязанностей, но при первых шагах этой работы встретили сильнейшее противодействие со стороны противозаконных действий деревенских комитетов и комиссаров, послушных открытой пропаганде об уничтожении всеми мерами частного землевладения в губернии.

„1) Общественные организации и их представители устанавливают, в явное нарушение закона,—говорилось далее,—обязательные для землевладельцев арендные цены на земли, к тому же тенденциозно пониженные настолько, что они не покрывают даже обязательных платежей за земли.

„2) Насильственно отбирают от владельцев их землю и передают крестьянам. Были случаи, когда насильно отобранные земли остались незасеянными или же сдавались третьим лицам со спекулятивною целью, за повышенную цену.

„3) Самовольно устанавливают обязательную для землевладельцев таксу на рабочие руки, стесняющую свободный труд и нарушающую закон о личном найме.

„4) Нарушают неприкосновенность жилищ, производят обыски, экспроприацию движимого имущества и лишают свободы без суда землевладельцев и их управляющих за неподчинение незаконным требованиям комитетов и комиссаров и т. д.

„Все вышеизложенное в самое ближайшее время приведет к тому, что Россия с ее черноземным богатством превратится в пустыню с обширными площадями сорных трав“ и т. д.

Само собой разумеется, Временное Правительство напрягало все усилия, шло навстречу помещикам и стремилось не допустить самочинных захватов земель крестьянами. Их поддерживали социал-революционеры и меньшевики.

Соц.-революционеры, которые в течение почти двух десятилетий призывали крестьян к захвату помещичьих земель, выражая это лозунгом: „Земля и воля крестьянам“, которые проповедывали социализацию, ныне отказались от своих прежних требований и явились на деле пособниками помещиков.

Вождь партии соц.-революционеров—Виктор Чернов—в Главном Земельном Комитете усиленно защищал предложения Временного Правительства и нападал на наших товарищей-большевиков за проповедуемый ими организованный захват земель крестьянами.

А между тем, по мере того, как правительство оттягивало решение земельного вопроса, крестьянство все больше и больше начинало волноваться и роптать. Вот как описывает старый рабочий-большевик А. Митриевич настроение деревни в это время:

„Как волостной комиссар,—пишет он,—я получаю через Уездный Совет Рабочих Депутатов инструкции правительства Керенского об организации волостных комитетов. Созываю общее собрание, чтобы посоветоваться, и докладываю об этом. Мне кричат:

„— Что ты нам о комитете говоришь? Скажи-ка нам лучше о землице: можем ли мы забирать ее у помещиков? А насчет комитетов нам ненадоть.

„Я ответил всему сходу, что моя партия (большевики) на это дело так смотрит: «Забирай под-чистую и баста. Не дожидайся, когда дадут. Холопы Керенского только на словах говорят, а на деле—ничего».

„— И озеро можем взять?

„Озеро раскинулось среди наших полей и числилось за католическим архиереем.

„— Можно,—говорю.

„— Слышишь, дядя Михей, старшина говорит, что все можно сейчас взять.

„— Пойди ты,—говорит старик,—как бы не попало.

„— Чего ты, дядя, говоришь пустое? Небось старшина знает.

„— Он этот самый большак, по закону которого: забирай все.

„И пошел слух по всем волостям Режицкого уезда, что Ружинская волость постановила отобрать у помещиков и монахов землю, воду и леса, и что ихний старшина раз‘яснил, что есть такой закон. Широкой волной разлилось волнение по всей так называемой Латгалии“ [1].

Испугавшись этого стихийного движения, Временное Правительство в лице министра земледелия Шингарева издало следующий приказ:

„Ознакомившись с постановлением Раненбургского [2] комитета по поводу посева хлебов, считаю своим долгом заявить, что самостоятельное разрешение земельного вопроса недопустимо без общегосударственных законов. Самоуправство поведет к государственной беде и подвергнет опасности дело свободы, вызвав распри. Решение земельного вопроса по закону—дело Учредительного Собрания. В настоящее время на

---

[1] Область нынешней Латвии, к которой относится и Режицкий уезд, о котором пишет тов. Митриевич.

[2] Раненбург—уездный гор. Рязанской губ.

местах будут образованы примирительные земледельческие камеры, для добровольного соглашения между земледельцами и землевладельцами при волостных продовольственных комитетах. Вопрос об аренде пустующих земель также спешно разрабатывается. Во имя общего порядка, прошу руководствоваться постановлениями Временного Правительства и не устанавливать самовольно подобие закона".

По поводу этого приказа Шингарева в большевистских газетах был написан ряд статей, где указывалось на то, что Временное Правительство пытается примирить помещика с крестьянином, заставить крестьянина попрежнему арендовать землю у помещика, и что ни о какой конфискации помещичьих земель Временное Правительство не помышляет даже.

Временное Правительство стало преследовать образовавшиеся на местах крестьянские комитеты, и дело доходило до того, что нередко эти крестьянские комитеты арестовывались. Часто оно угрожало крестьянам в случае неповиновения послать вооруженную силу для защиты помещичьей земельной собственности.

Во второй половине мая 1917 года собрался С'езд Крестьянских Депутатов. Этим с'ездом руководили соц.-революционеры. Вследствие своей несознательности, крестьянство еще продолжало верить партии соц.-революционеров и наивно думало, что она сможет дать ему землю. На этот с'езд было представлено 242 наказа, которые крестьяне дали своим делегатам.

По сводке этих наказов было очевидно, что крестьянство начинает высвобождаться из-под влияния эс-эров и значительно подвинулось в своих требованиях к большевикам.

Земельные требования крестьянства по наказам сводились к следующему: оно требовало безвозмездной отмены частной собственности на землю всех видов, вплоть до крестьянской, передачи государству или общинам земельных участков с высоко-культурными хозяйствами, конфискации всего живого и мертвого инвентаря отбираемых земель (инвентарь не отбирается у малоземельных крестьян), с передачей его государству или общинам; недопущения наемного труда; уравнительного распределения земли между трудящимися и т. д.

В качестве мер переходного времени, до созыва Учредительного Собрания, крестьяне требовали немедленного издания законов о запрещении купли-продажи земли, отмены законов о выделе из общины, об охране лесов, рыбных промыслов и проч.

Вот что писал по поводу этих наказов в одной из своих статей тов. Ленин:

„В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства, что они допускают и распространяют мысль, будто такие преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государственной власти к пролетариату“.

„В самом деле,—говорит далее тов. Ленин,—конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капиталов банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами не сломил сопротивления капиталистов?“

Далее: „Передача государству высоко-культурных хозяйств. Не очевидно ли, что «государство», способное взять их и вести хозяйство действительно в пользу трудящихся, а не в пользу чиновников и тех же ка-

питалистов, должно быть пролетарским революционным государством?“

„Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря, — продолжает тов. Ленин, — это не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это — шаги к социализму, ибо переход инвентаря в исключительное пользование государства или общины означает необходимость крупного социалистического земледелия или по крайней мере социалистического контроля за об'единенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйств“.

Социалисты-революционеры часто обвиняли большевиков в том, что будто бы они во время Октябрьской революции украли земельную программу у социалистов-революционеров.

С точки зрения мелкобуржуазных контр-революционеров, может быть, это и так. Но мы марксисты и, как марксисты, никогда не следуем догме (букве учения), а всегда исследуем, изучаем живую, подлинную действительность и из нее выводим и на ней строим нашу тактику. Поэтому то, что казалось социалистам-революционерам „отступлением от принципов большевизма“, в действительности никогда не почиталось нами за закон, а мы всегда смотрели в корень вещей и ухватывались за главное, основное, а этим основным было в крестьянских массах—конфискация помещичьих земель, дабы подорвать господство помещиков и капиталистов.

Еще задолго до Октябрьской революции, в мае 1917 г., этот вопрос, или возможность постановки его, уже стоял перед нашей Партией. И вот что писал по этому поводу тов. Ленин:

„Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически сно-

ва уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, значит господство банков подорвано; если инвентарь будет конфискован, значит господство капитала подорвано. При господстве пролетариата в центре, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится само собой, явится результатом «силы примера» подсказано будет самой практикой".

Отход крестьянства от Временного Правительства а стало-быть и от партии эс-эров, совершался довольно быстро, о чем свидетельствует число крестьянских волнений на почве захвата помещичьих земель, по данным, собранными самим Временным Правительством.

Как уже было сказано выше, всего крестьянских волнений было зарегистрировано с марта до средины августа 2.367 случаев.

По месяцам эти цифры крестьянского движения распределяются таким образом: за март—12, апрель—163, май—512, июнь—885, июль—767 и за первую половину августа—858.

8. Рабочие и солдатские массы переходят в наступление.

Временное Правительство затягивало войну. Разруха усиливалась все больше и больше. Капиталисты намеренно создавали затруднения в организации промышленности и снабжении продовольствием.

С другой стороны, рабочие и крестьянские массы, недовольные колебаниями Временного Правительства, начинали терять терпение и переходили в наступление, внимательно прислушиваясь к тому, что говорили большевики.

Между этими двумя борющимися силами метались меньшевики и эс-эры, стараясь убедить капиталистов и рабоче-крестьянские массы уступить друг другу и примириться (за что их и назвали „соглашателями“).

В то время, когда заседавшая в Петрограде конференция промышленников об'явила, что всякое покушение на их права со стороны рабочих они считают государственным преступлением, в это время меньшевистская „Рабочая Газета“ писала: „Может ли нам стать на дороге теперешнее Врем. Правительство, в котором большинство составляют представители буржуазии? Мы можем поставить планомерное регулирование всей экономической жизни и при теперешнем правительстве, так как в нем заинтересованы все классы населения, и мы можем направить это регулирование в интересах трудящихся масс, рабочих и крестьян, так как революционная демократия имеет теперь главное, определяющее, влияние на судьбы революции“.

Но, чем больше старались меньшевики и эс-эры убедить массы в том, что капиталисты и помещики им не враги, тем больше эти рабочие и крестьянские массы уходили из-под их влияния.

Да это и понятно. Меньшевики и эс-эры стояли на почве буржуазной революции; двигать и развивать эту революцию они не хотели, а потому все острие их борьбы с большевиками направлялось против масс.

Попытка остановить и задержать революцию, сохранить за ней лишь характер буржуазной революции, приводила их неизбежно к защите частной собственности, а следовательно прямехонько в лагерь прихвостней буржуазии и помещиков.

Во внешней политике соглашательские партии вынуждены были итти за буржуазией.

„Наступление вовсе не противоречит обороне“,— писала „Рабочая Газета“, возражая большевикам.

Как известно, первый бой с Временным Правительством по вопросу о войне разразился 18 апреля, когда Временное Правительство в лице Милюкова заявило, что оно подтверждает „верность союзным договорам“.

Это заявление Милюкова встретило решительный протест со стороны широких рабочих и крестьянских масс, которые выступили против Временного Правительства и требовали отставки Милюкова.

„Демонстрация началась как солдатская демонстрация,—писал тов. Ленин,—с противоречивым, несознательным, ни к чему неспособным повести лозунгом: «Долой Милюкова». Как будто перемена лиц или группы могла изменить суть политики“.

Но это выступление означало, что широкая, колеблющаяся, неустойчивая масса, ближе всего стоящая к крестьянству, колебнулась прочь от капиталистов на сторону революционных рабочих. Это было началом отхода широких масс от Временного Правительства.

Соглашательская политика меньшевиков и эс-эров вынуждала их не только защищать и поддерживать Временное Правительство, но и входить в него для проведения в жизнь буржуазной политики.

Смена лиц, вхождение и выхождение меньшевиков и эс-эров из правительства здесь не имели значения.

Далее Временное Правительство под давлением союзников, при поддержке меньшевиков и эс-эров, начинает готовиться к наступлению на фронте.

Целым рядом мероприятий—обработкой общественного мнения, травлей большевиков, репрессиями и попыткой введения смертной казни—Временное Правительство подготовляет соответствующую обстановку для наступления. Наша Партия большевиков повела усиленную кампанию против предполагаемого наступления. На митингах, собраниях, на с‘ездах, в вой-

сках—всюду мы стремились разоблачить политику Временного Правительства и не дать осуществиться этому авантюристическому предприятию.

„Наступление теперь есть продолжение империалистической бойни и гибель сотен тысяч и миллионов людей“, говорит тов. Ленин в речи на С‘езде Советов.

Фракция большевиков на первом С‘езде Советов, 9 июня 1917 года, сделала следующее заявление по вопросу о наступлении:

„Мы, нижеподписавшиеся фракции, группы и отдельные делегаты с‘езда, считаем необходимым в первую очередь работ с‘езда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий с‘езда, но в полном и точном смысле слова—судьба всей русской революции, вопрос о подготовляемом на ближайшее время военном наступлении. Что это наступление есть решенное дело, в ближайшей очереди, об этом свидетельствуют многочисленные непререкаемые факты и заявления, доступные общей проверке: образование батальонов смерти, раскассирование определенных полков и, наконец, прямое указание министра Керенского в раз‘яснении по поводу запрещения Украинского с‘езда.

„Поставив народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать свою кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контр-революционные круги России рассчитывают на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии“.

18 июня в Петрограде, вопреки протесту большинства тогдашнего Совета, была назначена манифестация.

Большевики выпустили воззвание с протестом против наступления и с призывом поддержать большевистские лозунги. В назначенный день состоялась грандиозная демонстрация, в которой принимали участие рабочие и солдаты и которая превратилась в демонстрацию против Временного Правительства. Демонстрация прошла под большевистскими лозунгами: „Долой контр-революцию“, „Долой министров-капиталистов“, „Вся власть Советам Р., С. и Кр. Депутатов“, „Да здравствует контроль рабочих над производством и распределением продуктов“, „Долой политику наступления“ и т. д.

9. События 3—5 июля.

Начавшееся наступление правительства Керенского на фронте окончилось, как и предсказывали большевики, позорным провалом. Слухи о неудачах наступления стали доходить до рабочих и крестьян. Брожение среди них достигло высшего предела.

Во время развития наступления на фронте, в воскресенье, 2-го июля 1917 года, совершенно неожиданно возник конфликт во Временном Правительстве, в результате которого министры-кадеты ушли из правительства.

Поводом к уходу для кадетских министров послужило несогласие их с Временным Правительством по украинскому вопросу.

Действительная же причина ухода кадетов была другая—боязнь ответственности за неудачное наступление на фронте. Вот что писал об этом тов. Бухарин:

„Уход кадетов из министерства был логическим завершением их тактики саботажа. До министерских ушей уже успели дойти сведения о начавшихся неудачах и о предстоящем поражении на фронте.

„И они поступили так, как диктовал им холодный, цинический расчет. Тактика наступления была переложена ими на социалистов. Но они ни в малейшей степени не хотели нести ответственности за эту тактику. Им нужно было иметь руки развязанными в тот час, когда начнут поступать сведения о неизбежном и неотвратимом. Им нужно было стоять в стороне, когда во всем об‘еме станут ясны результаты военной авантюры Керенского. Пусть тогда сидят в качестве «ответственных» — «социалистические дурачки»“.

Известие об уходе кадетских министров из правительства скоро проникло в районы, в солдатские массы и взбудоражило их. В казармах, на улицах, в рабочих кварталах начались бурные обсуждения всех этих вопросов. Кроме того, в отдельных частях солдаты и рабочие начали вооружаться, занимать автомобили, ставить туда пулеметы и двинулись на Невский.

Картину выступления 3—5 июля всего лучше передает очередной доклад тов. Сталина на VI с‘езде Партии большевиков, который мы здесь и приводим:

„3 июля, в 3 часа пополудни, в особняке Кшесинской, на происходившей в это время общегородской конференции, обсуждался муниципальный[1] вопрос . . .

„Неожиданно влетают двое делегатов от Пулеметного полка с внеочередным заявлением: «Наш полк хотят раскассировать, над нами издеваются, мы дальше

[1] Вопрос о городском самоуправлении.

ждать не можем и решили выступать, для чего уже разослали своих делегатов по заводам и полкам».

„Представитель общегородской конференции Володарский[1] заявляет, что Партия решила не выступать.

„Для ЦК было ясно, что и буржуазия и черносотенцы хотели бы вызвать нас на выступление, чтобы иметь возможность свалить на нас ответственность за авантюру наступления.

„У нас было решено переждать момент наступления, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выждать и дать Временному Правительству исчерпать себя.

„Тов. Володарский ответил делегатам, что у Партии имеется решение не выступать и члены Партии из их полка должны подчиниться этому решению. Представители полка с протестом ушли.

„В 4 часа созывается собрание ЦК в Таврическом дворце. ЦК решил воздержаться от выступления".

На заседании Бюро ЦИК'а тов. Сталин передал все факты, сообщил, что делегаты Пулеметного полка послали своих делегатов по заводам и фабрикам. Тов. Сталин предложил Бюро принять все меры к тому, чтобы выступление не состоялось. Это было по требованию большевистской фракци ЦИК'а запротоколировано.

„Г.г. эс-эры и меньшевики,—сказал тов. Сталин,—которые нас теперь обвиняют в подготовке выступления, забывают об этом".

В 5 час. общегородская конференция РС-ДРП большевиков постановляет не выступать. Все члены

---

[1] Володарский.—с.-д. интернационалист, с июля 1917 г.—большевик; талантливый агитатор и организатор; убит в 1918 г. социалистом-революционером.

конференции расходятся по районам и заводам, чтобы удержать массы от выступления.

В 7 час. вечера к особняку Кшесинской подходят два полка со знаменами, с лозунгами: „**Вся власть Советам**“. Выступают два старых большевика: Лашевич и Кураев. Оба убеждают солдат не выступать и вернуться в казармы. Их встречают гиком — „долой“, чего еще никогда не бывало. В это время показывается демонстрация рабочих под лозунгом: „Вся власть Советам“.

Для всех становится ясно, что удержать выступление невозможно.

Тогда частное совещание членов Петербургского Комитета РС-ДРП большевиков высказывается за то, чтобы вмешаться в демонстрацию, предложить солдатам и рабочим действовать организованно, итти мирно к Таврическому дворцу, избрать делегатов и заявить через них о своих требованиях. Это решение встречается солдатами громом аплодисментов и марсельезой.

Часам к 10-ти вечера во дворце Кшесинской собираются члены ЦК и общегородской конференции, представители полков и заводов. Признается необходимым перерешить вопрос, вмешаться и овладеть уже начавшимся движением. Было бы преступлением со стороны Партии умыть руки в этот момент.

С этим решением ЦК РС-ДРП большевиков переходит в Таврический дворец, потому что туда направляются солдаты и рабочие.

В это время происходит заседание рабочей секции Совета. Выступает т. Зиновьев и ставит вопрос об уже начавшемся движении. Под давлением этого обстоятельства рабочая секция решает вмешаться в движение и придать ему организованный характер, так как масса, не имея никаких руководящих указаний, легко может быть спровоцирована.

По этому вопросу рабочая секция Совета раскалывается: меньшинство—$^1/_3$—покидает заседание, большинство—$^2/_3$—остается. Выбирают временный комитет из 15 человек, которому и поручают действовать.

Часов в 11 ночи агитаторы и делегаты то и дело возвращаются из районов.

Ставится на обсуждение вопрос о назначении демонстрации на 4 июля. Предложение не устраивать демонстрации громадным большинством отвергается, как явно утопическое. Для всех ясно, что выступление все равно будет, и ЦК с ПК назначает на 4 июля мирную демонстрацию...

Выпускается листок соответствующего содержания.

„Было бы,—говорил тов. Сталин,—неразумным, нелогичным обвинять нас в том, что мы, желавшие передать всю власть Советам, стремились бы с оружием в руках захватить власть в свои руки. Характерно, что сами представители так называемой революционной демократии признают, что РС-ДРП большевиков непричастна к восстанию. Это прямо заявил официальный представитель Исп. Ком. Войтинский, об этом же говорится в воззвании к солдатам и рабочим от Всероссийского С‘езда.

„Ленин в это время отсутствовал. Он уехал 29 июня и приехал в Петроград только 4 июля утром, после того как решение о вмешательстве в движение было уже принято. Тов. Ленин одобрил это решение.

„Выступило не менее 500.000. Слухи о том, что демонстранты хотели арестовать министров, избивали их и проч., неправильны. Ни одной попытки захватить хоть одно учреждение не было, если не считать выходок хулиганских групп и уголовных.

„4 июля, когда демонстрация мирно шла, на углу Невского пр. и Садовой началась стрельба по демонстрантам...

„Целый ряд делегаций в Таврический дворец заявил о том, что единственный выход из создавшегося положения—взять Советам власть в свои руки. Центр. Исп. Комитет на это отвечает отказом, после чего часть солдат уходит, считая свое дело оконченным, другая часть остается.

„Поворотным моментом является опубликование документов об «измене Ленина». Выяснилось, что «материал» в ставке имели давно. После этого стало ясно, что публикацией документов хотели вызвать ярость солдат против большевиков. Конечно, тут был главный расчет на психологию солдат, на которых больше всего должно было повлиять известие о том, что Ленин—германский шпион.

„Второй факт—слухи с фронта о том, что начался прорыв, о чем знают только лидеры Совета Р. и С. Д. Этот факт (разгром наступления) произвел на лидеров ошеломляющее впечатление... Круто изменилось к нам,—заканчивал доклад тов. Сталин,—отношение меньшевиков и эс-эров. Люди, говорившие с нами как товарищи, вдруг призвали для охраны Таврического дворца войска, заявили, что мы вызвали вооруженное восстание, и об'являли нас изменниками революции. Моментальная перемена фронта—несмотря на наше решение прекратить к завтрашнему дню демонстрацию, так как мы считали, что демонстранты достаточно выявили свою волю".

Вместо взятия власти в свои руки, меньшевистско-эс-эровский ВЦИК расстрелял демонстрацию рабочих и солдат. Посыпались градом аресты и преследования участников событий 3—5 июля.

Против большевиков возбудили дело о „предательстве" и о связи их с германским штабом. Издан был приказ об аресте тов. Ленина, Зиновьева, Каменева. Редакция большевистской газеты „Правда" была разгромлена.

Меньшевистские и эс-эровские лидеры свирепствовали, издали приказ о разоружении „Красной Гвардии“.

Чаяния и надежды контр-революционеров начинали сбываться, проводились в жизнь.

К исполнению всякого рода расправ и преследований над рабочими и солдатами были привлечены контр-революционные офицеры, генералы, жандармы и охранники.

„Революционный пролетариат,—писал тов. Ленин,—после опыта июля 1917 года должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть—вне этого победы революции быть не может“.

Эту же мысль тов. Ленина проводил и VI с‘езд нашей Партии, бывший в августе того же года.

„Лозунг передачи власти Советам,—говорилось в резолюции,—выдвинутый перед под‘емом революции, который пропагандировала наша Партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазиии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзий. В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат при поддержке беднейшего крестьянства в силах выполнить эту задачу—может и должен взять власть в свои руки“.

10. Наступление контр-революции.

С момента разгрома пролетарских и солдатских масс в июльские дни буржуазия становится все на-

стойчивее и решительнее. Она стремится использовать как можно полнее меньшевистский и эс-эровский Совет.

11 июля 1917 года бывший на фронте генерал Корнилов послал Временному Правительству следующую телеграмму: „Революционная власть должна стать на путь определенный и твердый. Необходимо немедленно в качестве меры временной, вызываемой исключительно безысходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий“.

Пред‘явив эти требования, генерал Корнилов сделал следующее угрожающее заявление Временному Правительству: „Довольно. Я заявляю, что, если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению — защиты родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего“.

Конечно, Временное Правительство исполнило требование генерала Корнилова.

Однако, буржуазия, беспрекословно получавшая удовлетворение всех своих требований, не считала Временное Правительство и Советы своими. Она не хотела управлять страной через посредство меньшевиков и эс-эров, а стремилась захватить власть для себя. Эту власть она представляла себе в виде единоличной диктатуры в лице какого-либо „храброго генерала“.

Керенский, при всей его мягкости и снисходительности к буржуазии, был все же для нее неприемлем. Наиболее приемлемой для нее кандидатурой на пост диктатора являлся генерал Корнилов.

Назревал и обсуждался в недрах самого правительства заговор.

Вот что рассказывает министр Временного Правительства Влад. Львов в своих воспоминаниях о царивших тогда в кругах Временного Правительства настроениях:

„Я был уже разочарован в Керенском, он недостаточно энергично боролся против большевиков, у него не было силы воли, а между тем вопрос шел о том, продолжать ли итти по пути усиления власти Керенского. Я отправился к Терещенко и говорю ему: кто лучше—Керенский или Корнилов?“

Разбитый на юге генерал Деникин в своих воспоминаниях передает следующий разговор между ним и генералом Корниловым, происходивший в ставке в конце июля:

„По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шопотом, сказал мне следующее:

„— Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал К. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича, что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного Собрания, а там—пусть делают, что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

„— В полной мере“,—ответил ген. Деникин.

Генерал Корнилов, почувствовав некоторую почву под собой, стал стягивать и группировать вокруг себя все контр-революционное офицерство, которое охотно шло ему навстречу.

Однако, он понимал, что без солдатских масс задуманного им дела ему до конца не довести. Для этой цели он пробует забрать в свои руки войска юго-западного фронта, командующим которого он состоял, и издает следующий боевой приказ по войскам:

„В виду исключительной серьезности переживаемой минуты, когда все мысли должны быть направлены исключительно к спасению родины от австро-германцев с оружием в руках, приказываю: 1) воспретить всякого рода митинги в сфере боевых действий и в случае попыток собрать таковые считать их незаконным сборищем и рассеивать оружием; 2) означенное запрещение считать боевым приказом, не подлежащим никакому обсуждению, не исключая и комитетов".

25 августа генерал Корнилов начал стягивать те самые войска, которые Керенский вызвал с фронта к Петрограду для борьбы с большевиками, а в ночь на 26-ое он издал воззвание к войскам.

В этом воззвании генерал Корнилов заявлял, что Временное Правительство, под давлением большевистского большинства Совета, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и т. д.

В тот же день В. Львов явился к Керенскому и предложил ему сегодня же побудить Временное Правительство вручить всю полноту власти генералу Корнилову и об'явить отставку всех министров, передав управление министерствами товарищам министров, впредь до образования кабинета главнокомандующим.

В. Львов был тут же арестован.

Настроение в войсках, которые стянул генерал Корнилов, после того как они стали получать известия о целях наступления на Ленинград, было далеко не в пользу Корнилова. Вот как описывает эти настроения один из очевидцев:

„Среди солдат началось брожение и постепенно росло убеждение в том, что нас ведут на Петроград для свержения Временного Правительства. На станции Голово,—говорит он далее,—куда прибыли утром, сошлись четыре эшелона. На этой станции начальник команды связи, полковник Желяев, приказал снять революционное знамя, т.-е. красный флаг. За это полковник Желяев был солдатами арестован. Тут же был создан временный комитет из чинов названных эшелонов. Комитет этот постановил: 1) эшелоны остановить и впредь не двигаться, пока не будет получено приказание от Временного Правительства; 2) выбрать две партии делегатов и отправить в оба конца по линии для оповещения замыслов нашего начальства против комитетов всех частей дивизии; 3) потребовать от князя Багратиона дать телеграмму впереди находящимся, чтобы никаких действий против войск Временного Правительства не предпринимать“.

Корниловщина закончилась крахом. Ей дал дружный отпор тот самый пролетариат, который был разбит в июльские дни и на который сыпались жестокие репрессии.

Страх перед наступлением „генерала на белом коне“ сплотил широкие рабочие и солдатские массы вокруг Советов. В этой же схватке выяснилось все ничтожество Временного Правительства в борьбе с Корниловым.

Тов. Ленин, скрывавшийся в подпольи, писал следующее о провале корниловщины:

„Поддерживать правительство Керенского мы даже теперь не должны. Это — беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая себя увлечь потоку событий. Мы будем воевать с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница“...

„В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?“ — спрашивает тов. Ленин и отвечает:

„В том, что мы видоизменяем нашу борьбу с Керенским“... „Теперь главным стало усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские, гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную Думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьей земли крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и прочее“.

Выступление Корнилова всколыхнуло рабочие массы не только Петрограда и Москвы, но и отдаленных от центра городов. Всюду рабочий класс втягивался в борьбу с контр-революцией и при бессилии соглашательских партий фактически захватывал власть. Рост влияния большевиков после корниловских дней стал для всех очевидным, и момент захвата власти Советами, ставшими уже большевистскими, приближался с каждым днем.

11. Перед Октябрем.

После корниловского выступления рабочие и солдатские массы не только отхлынули от соглашательских партий, но они начали также проявлять актив-

ность, выгоняя и сбрасывая эс-эро-меньшевистских вождей из руководящих верхушечных организаций. Энергичней и решительней пошел захват большевиками Советов, которые повсюду требовали перевыборов и производили обновление состава Советов.

Усиленно мобилизовалась в рабочих районах Красная Гвардия: она добывала себе оружие, обучалась военному строю и готовилась к предстоящим боям.

„На заводе влияние нашей Партии росло все больше и больше,—пишет в своих воспоминаниях тов. Свешников, работавший в то время на одном из отсталых заводов—„Старый Лесснер".—Собрание следовало за собранием; возгласы: «Пора бросить канитель, а нужно брать власть в руки рабочих и крестьян, сбросив министров — защитников капиталистов» — становились обычными и популярными.

„Распространие нашей большевистской печати, как она ни подавлялась соглашателями, все увеличивалось и увеличивалось.

„Наиболее активные элементы из рабочих, не слушая никаких соглашательских насмешек, шли в Красную Гвардию. И вот, на-ряду с партийным и советским центром, начал вырастать центр военный — штаб Красной Гвардии.

„Чем ближе были к перевороту,—пишет далее тов. Свешников,—тем чаще, бывало, соседи по станку спрашивали:—Ну, что, скоро свергнете министров-капиталистов?

„На Сампсониевском проспекте (Выборгская сторона), в доме, где собирался весь лучший революционный элемент района, одни шли в районный комитет, другие—в районный совет, третьи—в штаб. Даже поздняя ночь в решительные дни не уменьшала числа посетителей.

„Совет осаждался всякими организациями, завкомами, учреждениями, просто обывателями.

„Штаб Красной Гвардии руководил охраной в районе.

„Это он в свое время не дал изолировать Выборгскую сторону от города и не позволил развести мосты. Выборгский штаб, можно сказать, был филиальным отделением Петроградского Военно-Революционного Комитета“,—заканчивает тов. Свешников.

То же самое пишет о настроении ленинградских рабочих другой рабочий, т. Ракитов.

„В начале августа 1917 года началась запись в Красную Гвардию в бомбовой мастерской. Вступил в Гвардию один из первых.

„К концу августа запись пошла тише, записывать было почти некого, остались незаписанными только часть рабочих эс-эровского направления да определенные меньшевики.

„И мастерская превратилась в лагерь. Войдешь в мастерскую—за станками стоят токаря, через плечо подсумок, винтовка у станка. В слесарной в углу стоит куча винтовок, у слесарей тоже надеты подсумки, а кругом да около бродит эс-эровская и меньшевистская дрянь, шипя себе под нос, не смея открыто выступить. Или собираются за котлами кучкой, толкуют между собой, озираясь по сторонам, как волки.

„А наша Гвардия в ус не дует, работает весело и бодро, зная, что они сильны, оружие у них в руках. За час приблизительно до окончания работы приходят десятники или из коллектива и указывают, кто куда назначен.

„Гудок. Винтовки на ремень—и по назначению. Выйдешь на двор—уже построились и ждут инструктора. Пришел. Начинается учение. Взглянешь на рабочее войско, как оно разнообразно.

„Стоят рядом — с бородой рабочий и ученик-мальчик, и оба внимательно слушают инструктора. Сколько желания, сколько решимости и смелости в их глазах, и с какой охотой они маршируют и делают ружейные приемы после трудового дня“.

„Тесно и душно в нашем подвальчике-коллективе,—продолжает описывать быт Красной Гвардии тов. Ракитов.

„Но быстро кипит работа, только и слышишь выкрики десятников: «1-ый десяток, бери патроны — в райком, 5-ый—в исполком, такие-то десятки—в обход на посты» и т. д.“.

Настроение в войсках тоже было вполне определенным. Правда, все эти настроения не отливались в определенные организованные формы. Но все же даже в отсталых частях чувствовалось большевистское влияние.

„Еще задолго до Октябрьской революции войска,—пишет один товарищ,—расквартированные по разным городам Финляндии, были настроены большевистски. Уже в период корниловщины были случаи, когда офицерам еле удавалось сдерживать солдатскую массу, рвавшуюся в Петроград для защиты последнего.

„Чем ближе дело двигалось к Октябрю, тем солдатская масса как-то стихийно, все больше и больше революционизировалась, проникаясь определенной ненавистью к существующему тогда правительству, и открыто выражала желание свергнуть это правительство, заменив его другим, могущим удовлетворить наболевшие в то время у каждого солдата вопросы о прекращении войны, демобилизации, возвращении домой, в деревню, получении земли и проч.“.

Недовольство Временным Правительством нарастало также и во флоте. Вот что пишет в своих

воспоминаниях тов. Дуплицкий о настроениях моряков Балтийского флота:

„Настроение моряков Балтики до июльских дней и их отношение к политическим событиям было крайне неопределенно: на некоторых кораблях («Адмирал Макаров» и «Финн») царило эс-эровское засилье; на большинстве кораблей политические симпатии были крайне пестры и разнообразны, вплоть до анархических тенденций, и только два корабля — «Петропавловск» и «Республика» — всецело присоединяются к лозунгам Партии большевиков и ведут усиленную большевистскую агитацию среди моряков других кораблей. Июльские дни застают эти два большевистских корабля в Гельсингфорсе, но события в Петрограде немедленно переносятся на корабли Балтийского флота и прежде всего на крейсер «Республику» и линейный корабль «Петропавловск».

„В Балтийском флоте начинается усиленное брожение, и моряки, что называется, рвутся в бой. Правительство Керенского слало один угрожающий приказ за другим, дабы положить конец неповиновению матросов. Неоднократно посылались правительством требования арестовать зачинщиков и препроводить их в распоряжение Временного Правительства.

„В ответ на это требование председатель судового комитета линейного корабля «Республика» тов. Корнев сообщает, что никаких зачинщиков на линкоре «Республика» не имеется, а среди команды царит полное единодушие, а следовательно вся команда отвечает за свои действия. Линкор «Петропавловск» вполне присоединяется к «Республике», и таким образом два крупнейших корабля Балтфлота становятся явной угрозой буржуазному правительству.

„Дударов (товарищ морского министра) делает попытку вызвать в Петроград минные дивизии для

защиты Временного Правительства, но агитационная работа моряков «Петропавловска» и «Республики» пустила настолько глубоко корни среди моряков минной дивизии, что последние отказываются исполнить приказание Дударова".

После этого Керенским издается приказ распустить Центральный Комитет Балтийского флота, переизбрать его вновь. Об‘явить всем судам и командам Балтийского флота, что он приказывает немедленно из‘ять из своей среды подозрительных лиц, призывающих к неповиновению Временному Правительству и агитирующих против наступления, представив их для следствия и суда в Петроград, и т. д.

В этом своем приказе Керенский клеймит большевиков предателями, изменниками и германскими шпионами.

Однако, этот приказ Керенского никто из командного состава Балтийского флота не посмел об‘явить матросам.

„Несмотря на вторичное подтверждение Керенским этого приказа, он все же официально не об‘является и только в сентябре месяце попадает на конференцию моряков, на которой выносится единодушная резолюция, клеймящая позором предателей рабочего движения".

Вслед за движением в городах начинало пробуждаться и крестьянство в деревнях. Медленно, но неуклонно оно высвобождалось из-под эс-эровского влияния.

Увлеченное первое время лозунгами „земли и воли", крестьянство пошло за эс-эрами, но по мере того, как эс-эры начали откладывать передачу земли крестьянам до Учредительного Собрания, крестьянство все больше и больше начинало чувствовать противоречие между эс-эровскими лозунгами и их практикой. Вот, напри-

мер, как описывает в своих воспоминаниях настроение крестьян тов. Семен Иванов:

„Эс-эровский лозунг: «Земля — ничья, земля — божья» — в головах крестьян переваривался своеобразно. Крестьяне понимали так: «Земля ничья — значит, земля — крестьянская». На этом основании волостные земельные комитеты, следуя эс-эровским призывам, начинали понемногу действовать. Помещичьи земли начали запахивать, луга—косить. Губернский комиссар слал грозные приказы. Предписывал прекратить самоуправство. Крестьяне недоумевали: «Как же так? Тот же самый комиссар (комиссаром был эс-эр Ефимов) на с‘езде говорил крестьянам, что они сами — власть, что земля — ничья, земля — божья, и пользоваться ей можно только собственным трудом, а тут у помещиков земля пустует, луга не убираются, а крестьянам не дают»... Настроение крестьян начинало портиться“.

„В деревнях большевики были очень редки,—продолжает тот же автор,—в уездах их было очень мало, газет большевистских не было, листки издавались очень редко. Вообще организованной агитации с нашей стороны не было. Буржуазные и эс-эровские газеты заполняли деревню самыми клеветническими сплетнями. Весьма часто крестьяне, знавшие лично меня как большевика, спрашивали: «Скажите, правда ли, что Ленин — немецкий шпион?» Вот такой-то и ей подобной клеветой жила деревня, и тем не менее, чем ближе было к Октябрю, тем деревня все более и более поворачивалась к большевикам. Действия буржуазии и эс-эров в деревне были лучшей агитацией против них. Много также вносили революционного духа приезжавшие солдаты с фронта; с нашей же стороны агитация была почти исключительно устная, на уездных с‘ездах и иногда на волостных сходах.

„Среди крестьян в то время можно было услышать, примерно, такие рассуждения: «Вот говорили, что Ленин — шпион, а он тебе и земельку крестьянам дает и воевать не хочет»“.

В августе и сентябре 1917 года крестьянское движение принимает угрожающие размеры.

После того как крестьянство убедилось, что мирными средствами ему ничего не удастся добиться, оно переходит к захватам помещичьих земель.

В сентябре в Козловском уезде, Тамбовской губ., крестьянами было разграблено одно имение и сожжено 25 имений.

В Саратовской губернии, по сообщению газет, крестьяне похищали скот, делили землю, отбирали хлеб и т. д.

Совет Крестьянских Депутатов Самарской губернии вынес постановление передать помещичьи земли и инвентарь в распоряжение волостных комитетов.

Естественно, что помещики начали засыпать Временное Правительство жалобами на самочинные захваты крестьянами земель.

Союз сельских хозяев Казанской губернии жаловался правительству на то, что постановления Самарского Совета Крестьянских Депутатов распространяются в большом количестве, вследствие чего крестьянами производится отобрание земель, инвентаря, скота и т. д.

Временное Правительство внимательно прислушивалось к жалобам землевладельцев и щедро рассылало своим комиссарам на места строжайшие предписания и приказы о недопущении захватов частновладельческих земель.

Однако, на крестьян мало действовали эти бумажные и словесные увещания Временного Правительства.

К осени захваты земель стали носить массовый характер, и тогда Временное Правительство, внимая воплям и мольбам помещиков, начало посылать по деревням карательные отряды.

Но попытки подавить крестьянское движение при помощи кавалерийских отрядов не приводят к желательным результатам.

Таким образом, *осенью 1917 года между Временным Правительством и крестьянством шла открытая вооруженная борьба.*

14 сентября Временное Правительство, с целью наладить соглашение с буржуазией и образовать единый фронт против рабочих и крестьян, созывает „Всероссийское Демократическое Совещание“ в Петрограде.

Большевики на этом совещании выступают с разоблачением контр-революционной политики соглашательских и буржуазных партий.

В Московском и Петроградском Советах происходят перевыборы, которые дают преобладающее большинство большевикам.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избирает председателем тов. Троцкого.

Большевики побеждают также и на выборах в районные думы.

Дальше, большевики ведут энергичную агитацию за созыв II Всероссийского С‘езда Советов.

По поводу предстоящего С‘езда Советов наша Партия выпускает воззвание, в котором она указывает, что С‘езд Советов, назначенный под давлением рабочих на 20 октября, может быть созван только вопреки соглашателям, которые в лице меньшевика Дана и в лице газеты „Известия“ начали уже открытую борьбу против его созыва.

„Борьба за С‘езд Советов, мобилизация сил на С‘езде Советов, вся власть Советам—таков наш путь“— так заканчивалось это воззвание.

Меньшевики и эс-эры упорно не хотели созывать этого с‘езда, так как перевыборы Советов, происходившие по всей России, дали явное преобладание большевикам, а потому естественно, что созыв Всероссийского С‘езда Советов не обещал ничего хорошего соглашательским партиям.

10 октября 1917 года состоялось заседание Центрального Комитета нашей Партии.

На этом заседании присутствовал скрывавшийся от преследований Временного Правительства тов. Ленин.

Тов. Свердлов, также присутствовавший на заседании, сделал доклад о положении дел в Минске и на северном фронте. Из его доклада было видно, что на этих фронтах снова готовился новый контр-революционный заговор. Ведется агитация среди осетин и отдельных частей войск против большевиков. На фронте же настроение за большевиков — пойдут за нами против Керенского.

После тов. Свердлова получает слово тов. Ленин.

„Он заявляет,—говорится в протоколе заседания ЦК,—что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса.

„Теперь уже, повидимому, время значительно упущено.

„Тем не менее, вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок. Положение международное таково, что инициатива (то-есть почин. *С. К.*) должна быть за нами. То, что затевается со сдачей Нарвы и

слачей Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям.

„Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш под‘ем идет гигантскими шагами. Абсентеизм и равнодушие масс можно об‘яснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

„Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти.

„Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение.

„Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян.

„Политическая обстановка, таким образом, готова. Надо говорить о технической стороне...

„Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу“.

После доклада тов. Ленина на заседании ЦК возгорелись ожесточенные прения.

Незначительное меньшинство членов ЦК было против поспешного выступления и проявляло колебания, боясь за возможные последствия слишком решительных шагов.

Однако, в результате этого обсуждения, большинством против двух голосов на этом заседании ЦК была принята следующая резолюция:

„ЦК признает, что международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции

в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом доверия к нашей Партии (выборы в Москве), наконец ясное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и проч.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

„Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям Партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все политические вопросы (с‘езда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и митинги и т. д.)“.

После этого исторического заседания тов. Ленин неоднократно обращался с письмами в ЦК, МК, ПК, в которых он настойчиво убеждал колеблющихся товарищей не терять времени и начинать восстание, используя создавшуюся благоприятную обстановку.

После целого ряда обсуждений в различных партийных организациях, наша Партия пришла к твердому решению о необходимости начать восстание.

12. Октябрьские бои.

Началом восстания наша Партия, как и предлагал тов. Ленин, избрала момент до начала открытия II Всероссийского С‘езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, т.-е. 25-е октября.

С‘езд Советов вначале предполагалось созвать на 20-е октября 1917 года.

Но, вследствие противодействия его созыву со стороны соглашательских партий, его пришлось отодвинуть на несколько дней позже.

При Центральном Комитете Партии большевиков почти с первых же дней революции была создана военная организация, задачей которой было вести агитацию в войсках, создавать там опорные пункты нашей Партии, организовывать рабочих в военные боевые отряды, добывать оружие и вообще готовить технический аппарат для захвата власти.

Правда, в начале своей работы военная организация не ставила себе столь широких задач, как захват власти, и только в процессе борьбы эта задача вырастала перед ней.

В начале в военную комиссию, как она называлась раньше, входили следующие лица: т.т. Подвойский, Сулимов, Нарвский, Невский, Механошин, Беляков, Ягода, Дашкевич и др. В ходе борьбы ее состав изменялся и дополнялся.

Естественно, когда было принято решение ЦК о необходимости выступления, Владимир Ильич Ленин захотел ознакомиться с состоянием наших военных возможностей. Он вызвал к себе в свое убежище т.т. Невского, Антонова-Овсеенко и Подвойского, чтобы окончательно убедиться в подготовке восстания.

Антонов-Овсеенко заявил, что, не имея основания судить о петроградском гарнизоне, он уверен, что флот выступит по первому призыву, но прибыть в Петроград во-время едва ли сможет.

„Невский с Подвойским указали,—рассказывает в своих воспоминаниях Подвойский,—что настроение войск гарнизона—явно сочувственное восстанию, но что все-таки необходима некоторая отсрочка в 10—15 дней, дабы в каждой воинской части вопрос этот поставить прямо и решительно и технически

подготовиться к восстанию... Вообще все сходились на мысли отложить восстание на несколько недель, рекомендуя это время употребить на самую интенсивную подготовку к восстанию в Петрограде, в провинции и на фронте... Все эти доводы, однако, нисколько не убедили Ленина".

„Промедление восстания приведет к тому,—заявил он, — что правительство и его партии, несомненно осведомленные о восстании и готовящиеся к нему, за время отсрочки приготовятся еще более". „Восстание перед С'ездом, — говорит Ленин, — является особенно важным, дабы этот С'езд, каков бы он ни был, встал перед совершившимся фактом — взятия рабочим классом власти — и сразу же закрепил последний".

Для того, чтобы повести работу военной организации более широко, для этой цели было решено при военной секции Совета Рабочих и Солдатских Депутатов создать какой-либо военный орган, ведающий военно-боевыми вопросами.

По предложению и при содействии военной организации, этот военный орган при Совете, после упорной борьбы, оформился как Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

Время образования Военно-Революционного Комитета относится к 16-му октября.

Поводом, приведшим к столкновению Временного Правительства с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, был вопрос о невыводе петроградского гарнизона.

Этот гарнизон был не только настроен большевистски, но мы там имели прочные связи и хорошую организацию.

Вполне понятно, что петроградский гарнизон давно уже был у Временного Правительства и согла-

шательских партий бельмом на глазу, и они всеми способами стремились избавиться от него.

Вот что рассказывает об этом столкновении в своих воспоминаниях тов. Садовский, который в то время принимал активное участие в военных делах и состоял в октябрьские дни членом Военно-Революционного Комитета:

„Столкновение между революционно настроенными солдатскими массами военного округа и ставкой наметилось уже давно.

„Военный округ и ставка хотели во что бы то ни стало раскассировать гарнизон, который для них представлял прямую угрозу.

„Еще ранее с этой же целью предпринимался военным командованием ряд мер для постепенного откомандирования, мелкими частями, из революционно настроенных полков; такие случаи насчитывались десятками. Но эти попытки разбивались о нежелание некоторых, наиболее революционно настроенных полков отдавать на фронт свои части.

„Это приводило к ряду конфликтов с военным округом.

„В особенности отношения обострились, когда произошел захват Риги немцами и наметилось наступление их на Петербург. Тогда-то встал вопрос об обороне Петербурга.

„Ставка главнокомандующего, генерала Черемисова, потребовала вывода гарнизона на фронт. Эта кампания за вывод гарнизона на фронт вполне поддерживалась меньшевиками и эс-эрами“.

„Как был организован Военно-Революционный Комитет?“ — спрашивает тов. Садовский и отвечает:

„Вопрос об его организации обсуждался еще в военной организации большевиков и в военном отделе Совета еще задолго до наступления описываемых событий.

„Даже был выработан детальный проект этой организации, но под другим названием. Если не ошибаюсь, мы назвали ее «штабом военно-революционной обороны».

„Когда назрели события и определилось, что мы идем к конфликту, тогда воспользовались этим проектом для организации этого центрального органа переворота.

„Если не ошибаюсь,—замечает осторожно тов. Садовский,—то в Исполнительном Комитете Совета вопрос о создании Военно-Революционного Комитета встал, примерно, числа 12 октября или 13-го, при чем весь вопрос с организацией этого центра продолжался довольно долго.

„Это соответствовало как осторожному характеру всего процесса Октябрьского переворота, постепенному распространению влияния, так и известной неуверенности и неопределенности, которые в то время царили. Даже в среде ЦК нашей Партии в это время, как известно, были трения, столкновения, как начать и начинать ли. Вопрос о создании Военно-Революционного Комитета сначала обсуждался в Исполнительном Комитете, потом в солдатской секции, потом на общем собрании Совета. На общем заседании Совета вопрос прошел, кажется, 16-го октября“ [1].

---

[1] Иную картину роли Военно-Революционного Комитета рисует нам тов. Троцкий в книге „1917 год“.

„С того времени, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания“.

Больше того: по мнению тов. Троцкого, „исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, пред-

По словам того же тов. Садовского, „первые активные шаги Военно-Революционного Комитета были сделаны в ночь на 22-е, когда был издан приказ о неисполнении распоряжений штаба округа, и ранее, когда назначались комиссары в полки. Следующие— непосредственно перед 25-м октября, перед С'ездом Советов и осадой Зимнего дворца. Это было числа 23 или 24 октября, когда Военно-Революционным Комитетом была выделена тройка для руководства активными военными операциями против Зимнего дворца. В тройку вошли сначала товарищи: Подвойский, Антонов и Садовский. Но мне не пришлось, за перегруженностью другой необходимой работой по военному отделу (ВЦИК), принимать активное участие в работах тройки. Она составилась окончательно из тов. Подвойского, Чудновского и Антонова-Овсеенко, которые энергично взялись за дело.

„Я как сейчас помню заседание тройки у меня в комнате № 10, ночью не то 23, не то 24 октября. В малень-

---

определен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров" и т. д.

„По существу дела мы здесь имели вооруженное восстание—вооруженное, хотя и бескровное восстание петроградских полков против Временного Правительства—под руководством Военно-Революционного Комитета" и т. д.

Так оценивает т. Троцкий момент 16 октября.

Тут, нам кажется, не совсем сведены концы с концами.

Почему понадобилось тов. Троцкому выхватить один момент из целого потока событий, неразрывно связанных между собой, и сделать этот момент решающим?

Как видно из приводимых нами воспоминаний т. Садовского, подобного рода конфликты между Временным Правительством и гарнизоном были и раньше.

А также совсем не было новостью, что приказ Временного Правительства не был выполнен, ибо в практике Вре-

кой комнате была принесена и разложена карта; Антонов сидел на кровати, а Подвойский с Чудновским яростно спорили о плане действий против Зимнего дворца, о значении для нас Петропавловки и намечали диспозицию наших сухопутных и морских сил на Неве“.

Другой участник октябрьских событий и член Военно-Революционного Комитета, тов. Подвойский, следующим образом описывает октябрьские события:

„25 октября открылся 2-й Всероссийский С‘езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Предположено было поставить С‘езд перед фактом низвержения Временного Правительства.

менного Правительства подобного рода явления были не редки.

Но никому никогда не приходило в голову делать отсюда выводы, что тот или иной момент в неисполнении приказа Временного Правительства является решающим для октябрьского переворота.

Тов. Троцкий в этой же книге жалуется на то, что т. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении.

Да это и понятно: тов. Ленин, хотя и находился вне Петрограда, но был великолепно осведомлен о том, что делается в Петрограде, и если не оттенил этого момента, то это было с его стороны вполне последовательно, ибо этот „факт“ являлся лишь только одним звеном в развертывавшейся цепи событий: ни умалять, ни возвеличивать этого „факта“ было нельзя.

И не было случайностью, что он не обратил внимания на „бескровное восстание“, бывшее за 9 дней до 25-го октября.

В своих воспоминаниях, написанных 7 ноября 1920 г. и напечатанных в № 10 „Пролетарской Революции“, тов. Троцкий ни словом не упоминает о „бескровном восстании“, да и вообще там он совсем не выдвигает этого момента, который ему понадобился позже.

„Задержка во взятии Зимнего дворца волновала до чрезвычайности весь Смольный.

„Тов. Ленин присылал мне, Антонову, Чудновскому десятки записок, в которых ругался, что мы затягиваем открытие С'езда и тем вызываем волнение среди депутатов С'езда:

„— Надо открывать заседания С'езда, а Зимний еще не взят.

„Штурма Зимнего с еще большим волнением ожидали солдаты.

„Они беспрерывно требовали об'яснений, почему не штурмуем Зимнего и не даем расправиться с Временным Правительством.

„Оттяжка в удовлетворении накипевшего желания скорее ворваться в Зимний дворец и арестовать Временное Правительство вызывала у солдат смутный ропот. Красногвардейцы были терпеливее, они сосредоточенно стояли на заставах, двигались в цепях, уверенно и с большим достоинством, весьма настороженно, несли дозорную службу.

„Цепи с каждым часом все ближе и ближе подходили к площади Зимнего дворца и становились все гуще и гуще. К 6-ти часам Зимний был словно окутан в солдатских цепях.

„Солдаты и матросы все ближе и ближе подползали к нему цепью, оставляя за собой резервные узлы. Перебежкой они последовательно занимали все исходные для штурма Зимнего углы улиц и прикрытия.

„Юнкера, забаррикадировавшись штабелями дров у ворот дворца, зорко следили за движениями наших головных цепей и всякое передвижение их встречали ружейным и пулеметным огнем.

„Мне рассказывали потом, — продолжает тов. Подвойский, — что Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятия Зимнего, не вышел на открытие С'езда.

Он метался по маленькой комнатке Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний: Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся. Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять".

Но уже к 3 часам положение Временного Правительства было безвыходным.

Наши цепи находились от Зимнего в нескольких сотнях шагов по всему сектору. Уже все вокзалы, телефон, телеграф, электрическая станция, водопровод — находились в наших руках.

В 6 часов был послан первый ультиматум Временному Правительству о сдаче. Пушки крейсера „Аврора" и Петропавловской крепости были наведены на Зимний и должны были подсказывать осажденным их ответ на ультиматум. На ответ было дано 20 минут. Но Зимний всячески тянул с ответом. В ультиматуме предупреждалось, что будет открыт огонь „Авроры", если Зимний не сложит оружия. Пальчинскому [1] вторично удалось обманным путем заставить юнкеров, батальоны ударников и др. защитников еще несколько часов быть верными уже обреченному режиму.

В 8 часов с повторным ультиматумом, с нашего согласия, направился в Зимний т. Чудновский. Прошло положенное время. Известий от тов. Чудновского нет. Его задержали. Пальчинский колеблется: вести переговоры или расстрелять. Тов. Чудновский обращается к юнкерам и ударникам с призывом сдать оружие.

Он говорит солдатам о всей безнадежности их положения. Производит замешательство среди георгиевцев. Часть георгиевцев колеблется, изменяет Временному Правительству, слагает оружие и пытается выйти

---

[1] Пальчинский — инженер, один из тов. министра торговли и промышленности при Керенском, начальник обороны Зимнего дворца 25 октября.

из Зимнего. Их удерживают, увещевают офицеры, удерживают юнкера. Ударники разлагают женский батальон. Офицеры и юнкера чувствуют опасность в дальнейшем задерживании георгиевцев; их выпускают из дворца.

Появление на площади сдавшихся на момент приводит наши цепи в замешательство. „Сдались“,—говорят появившиеся. Громкое „ура“ радости катится через площадь. Сдавшихся уводят.

Женскому батальону офицеры говорят, что, в случае сдачи, им грозит насилие и расстрел от большевиков.

Несколько минут колебания обреченных... наконец, женский батальон инстинктивно принимает решение сдаться.

Их уже не удерживают и пропускают из дворца...

В наших цепях и ближайших резервах нетерпение, волнение, ропот сменяются торжественным, величавым настроением. Торжество победы размягчает сердца солдат.

Борцы чувствуют, что они у конца 8-месячной борьбы за власть. Последний акт столетней борьбы... Умирает уродливое старое, и в буре рождается величественное, радостнейшее, дорого стоющее новое... Свое...

Мы все охвачены настроением масс... Пьянит от победы...

Но неизвестность, что с Чудновским, туманит нашу радость.

Солдаты занимают штаб Петроградского округа. Тов. Антонов входит в штаб, хватается за телефонную трубку, звонит во дворец... Где тов. Чудновский? Ждет ответа...

„Я с тов. Еремеевым об‘езжаем все позиции. Подтягиваем резервы. В штабах, которые набиты аресто-

ванными, все у телефонных трубок. Ждут ответа: кончено или нет. В Балтийском экипаже избавляем от самосуда матросов при нас приведенного в экипаж генерала Багратуни.

„Из штаба Балтийского экипажа по Адмиралтейской набережной едем через Дворцовый мост в Петропавловскую крепость, в наш руководящий оперативный штаб. Из Петропавловской передаем приказ цепям двинуться вперед, занимать все пункты на площади и двигаться к воротам дворца.

„Берем с собой коменданта крепости, тов. Благонравова. Полным ходом несемся на автомобиле по Миллионной к Зимнему дворцу, говорим себе: все кончено без одного орудийного снаряда.

„Автомобиль, открыв свои фонари, взлетает на мост канавы у Эрмитажа... Вдруг звонким треском сильной электрической разрядки зачекали пулеметы и защелкала ружейная стрельба пачками... Град пуль... Момент между жизнью и смертью... Шофер на всем ходу дает задний ход: автомобиль под скатом моста. Спасение.

„Благонравову приказываю лететь в Петропавловскую и открыть огонь.

„Чудновский еще не возвращается... Антонов не получает из дворца ответа. Нам передают, что с Чудновским расправляются... Несколько мгновений... И, впервые после схватки декабристов с самодержавием, почти после столетнего молчания, на улицах Петербурга завизжали ядра орудий, но не против народа, а за народ".

Несколько гранат разорвалось в коридорах Зимнего. Колебаниям был положен конец. Матросы, красногвардейцы, солдаты, под пулеметную перекрещивающуюся трескотню перелетали через баррикады у Зимнего, смяли их защитников и ворвались в ворота

Зимнего... Двор занят... Летят на лестницы... На ступенях схватываются с юнкерами... Опрокидывают их... Бросаются во второй этаж... Разметают защитников правительства... Рассыпаются... Несутся в третий этаж, везде опрокидывая юнкеров и поражая их... Юнкера бросают оружие... Солдаты, красногвардейцы, матросы потоком устремляются дальше... Ищут виновников бедствий. Взламывают двери запертых комнат... Вот они подбегают к двери, у которой на карауле стоят окостеневшие от ужаса, скованные долгом юнкера.

— Здесь Временное Правительство...—Наставляют штыки.

— Долой...—Массы врываются в комнату, в массе тов. Антонов. То, что называлось Временным Правительством,—тут... Почти мертво физически... Саван... Омертвели от массы...

— Именем Временного Революционного Комитета Петроградского Совета об‘являю Временное Правительство низвергнутым,—декретирует Антонов.—Все арестованы...

Низвергнутые лепечут о защите от масс, матросы выводят их из комнаты. Крики: „Керенского... Керенского“... Он удрал накануне из Петрограда, чтобы привести войска с фронта.

По коридорам несется гул негодования, злобы, возмущения, крики. Арестованных ведут вниз... по двору... в ворота... через баррикады... на площадь Зимнего.

На площади крики солдатского негодования... „Расстрелять“, „Смерть... смерть“... Терещенко, Коновалову и еще паре других наносится несколько ударов... Красногвардейцы унимают солдат. Кричат:

— Не омрачайте пролетарского торжества!

Раз‘яренные солдаты оттесняются от арестованных. Красногвардейцы окружают кольцом бывшее правительство. „Вперед“. Кольцо двинулось по Мил-

лионной улице в Петропавловскую крепость. Уводят в казематы, созданные против революции.

Солдатские массы колыхнулись за уводимыми, требуют отвести не в Петропавловскую, а в Смольный.

Команда: „по своим частям стройсь“...—заканчивает победное 25 Октября.

Егерский полк становится на охрану штабов и помещений, прилегающих к площади Зимнего... В полночь в Смольном, на С‘езде Советов, об‘является о взятии Зимнего дворца и аресте бывшего Временного Правительства, а через пару часов тов. Антонов лично доносит о размещении бывших министров в казематах Петропавловской крепости.

Сообщение о взятии Зимнего создает торжественное и глубоко-сосредоточенное настроение С‘езда.

„Я остаюсь на площади до ухода с нее всех войск.

„Караулы заняли посты. Я уехал в Смольный. Было два часа. Зашел к Владимиру Ильичу. Застал там Бонч-Бруевича. Какая это была великая встреча!“

25 октября Военно-Революционный Комитет издал следующее воззвание:

„К гражданам России.

„Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

„Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на земли, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства—это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!“

Вечером того же 26 октября, на II Всероссийском С'езде Советов, встреченный бурными овациями, выступил т. Ленин с сообщением о низвержении Временного Правительства и переходе власти в руки Советов.

На этом же II Всероссийском С'езде Советов были приняты декреты: о мирс, о переходе земли к крестьянам и об образовании Совета Народных Комиссаров.

В заключение этого исторического заседания было постановлено обратиться с воззванием ко всему населению России.

В этом воззвании указывалось на совершившиеся события и об'являлась программа деятельности нового правительства как в области внутренней политики, так и внешней.

Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян,—говорилось в этом обращении,—опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, С'езд берет власть в свои руки.

II С'езд намерен в первую очередь добиваться заключения демократического мира, передачи крестьянству земли, ввести рабочий контроль над производством, дать всем нациям право на самоопределение и произвести полную демократизацию армии.

Однако, проведение в жизнь всех этих мероприятий С'езда натолкнулось на невероятное сопротивление, которое было организовано только-что свергнутыми соглашательскими и буржуазными партиями.

Свергнутое Временное Правительство не хотело без боя сдавать свои позиции.

Сбежавший из Зимнего дворца Керенский организовал в Гатчине наступление на Петроград. Ему удалось вместе с ген. Красновым собрать кое-какие разрозненные части и двинуть на Петроград.

Однако, это наступление Керенского кончилось полным провалом. Наступавшие войска были разбиты и частью перешли на сторону вновь оранизованной Советской власти.

Когда весть о падении Временного Правительства дошла до Москвы, в тот же день там был организован Военно-Революционный Комитет Совета Рабочих Депутатов и были приняты все меры для организации наступления.

В тот же день, 27-го октября, Военно-Революционный Комитет издает два воззвания. В одном он извещает рабочих и солдат о происходящих событиях и приказывает исполнять лишь распоряжения Временного Революционного Комитета. В другом воззвании он приказывает привести в боевую готовность всех вооруженных красногвардейцев.

Дружно откликнулись на это воззвание рабочие и солдаты Москвы. По призыву ячеек и отдельных членов-большевиков, целые заводы бросали работу и спешили принять участие в борьбе. Рабочие массы вышли на улицу, строили баррикады и искали оружия.

Спешно организовывалась солдатская масса, а к ней присоединялись беспартийные рабочие. На-ряду с этим шли митинги по казармам.

Раньше других откликнулись артиллеристы, среди которых имелся ряд большевиков, а за ними постепенно пошла и пехота. По мере того как развертывались бои, к сторонникам большевиков все больше и больше присоединялись беспартийные солдатские и рабочие массы и увеличивали их силы.

Затяжной характер московских боев, вызванный первоначальной неподготовленностью, в конце концов втянул в бой не только весь пролетариат Москвы, но и огромные массы солдат.

Сила Военно-Революционного Комитета в процессе боев росла и крепла.

После целого ряда боев и мелких стычек, Военно-Революционный Комитет одержал победу над сторонниками Временного Правительства и организовал новую—Советскую власть.

Когда весть о победе в двух крупнейших центрах дошла до провинции, она также стала присоединяться к восставшим столицам.

Правда, присоединение провинции происходило далеко не дружно. В первую очередь, разумеется, произошел захват власти Советами в провинциальных городах с промышленным населением, но мало-помалу и отдельные отсталые местности также присоединялись к власти Советов.

После того как совершился переход власти в руки Советов, перед ними встала задача организовать новый, советский аппарат управления.

Ломка старого аппарата власти и замена его новым, советским, аппаратом происходила довольно болезненно.

С первых же шагов, когда Совет Народных Комиссаров попытался взять в свои руки правительственный аппарат, он натолкнулся на отчаянное сопротивление со стороны чиновников, служащих и интеллигенции вообще.

Однако, мало-по-малу, путем упорной борьбы, сопротивление саботажников в главном и основном было сломлено.

Проведение декрета о демократическом мире натолкнулось также на отчаянное сопротивление со стороны верховного командования.

Последнее в лице ген. Духонина ни за что не хотело исполнять приказов Совета Народных Комиссаров. Тогда Совет Народных Комиссаров, через го-

лову верховного командования, обратился с воззванием к солдатам.

„Солдаты,—говорилось в этом воззвании,—дело мира в ваших руках. Вы не дадите контр-революционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционных армий самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это.

„О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров“.

После этого обращения верховное командование было свергнуто, и на пост верховного главнокомандующего был назначен Советом Народных Комиссаров тов. Крыленко, который и повел в дальнейшем переговоры о перемирии.

13. Разгон Учредительного Собрания.

После того как соглашательские партии потерпели поражение в открытой борьбе против власти Советов, они решили организоваться и дать бой по вопросу о созыве Учредительного Собрания.

Вот что рассказывает бывший эс-эр Семенов о заговоре против большевиков во время созыва Учредительного Собрания:

„На совместном заседании военного отдела и бюро военной комиссии (партии эс-эров), дня за два до разгона Учредительного Собрания, был намечен боевой штаб: подполковник генерального штаба Пара-

делов (эс-эрствующий, во время юнкерского восстания был членом штаба этого восстания), Онипко и я. Была намечена квартира штаба. На первом же заседании штаба по вопросу о конкретном плане выступления столкнулись две точки зрения — Параделова и моя. Параделов предлагал следующий план: учтя точно наши военные силы, мы распределяем воинские части, и та или иная часть по нашему предписанию бросается на захват того или другого пункта Смольного, телефонной станции и проч. Я считал этот план неосуществимым, ибо, по моему убеждению, в нашем распоряжении не было войск, которые двинулись бы по нашему предписанию. Я предлагал действовать следующим образом: мы направляем ожидаемую массовую демонстрацию во главе с броневиками 5-го дивизиона и нашими боевыми дружинами, инсценируя народное восстание, к Семеновскому полку. Семеновский полк, соответственно его настроению, при виде этой картины, присоединяется; вместе с Семеновским полком двигаемся к Преображенскому полку, втягиваем, по возможности, дорогою колеблющиеся воинские части, примерно Электротехнический батальон. После присоединения Преображенского полка все движемся к Таврическому дворцу. Оттуда начинается активное действие.

„Штаб принял мой план".

Однако, этому контр-революционному плану не суждено было осуществиться.

Контр-революционеры не учли лишь того, что солдатские и рабочие массы не с ними, а против них.

Собравшееся 5-го января 1918 года Учредительное Собрание сразу же выявило свою контр-революционную физиономию.

Огромное большинство членов этого Учредительного Собрания составляли социалисты-революционеры, которых поддерживали кадеты.

Естественно, что, когда в это Учредительное Собрание были внесены большевиками предложения об утверждении того, что совершилось, оно решительно отвергло.

Тогда большевистская фракция выступила на заседании Учредительного Собрания со следующей декларацией:

„Громадное большинство трудовой России—рабочие, крестьяне и солдаты—пред‘явили Учредительному Собранию требования признать завоевания Великой Октябрьской Революции—советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

„ВЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному Собранию признать для себя обязательным эту волю.

„Большинство Учредительного Собрания, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

„В Учредительном Собрании получила большинство партия правых эс-эров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контр-революционной.

„Не желая ни минуты прикрывать преступление врагов народа,—заканчивалась эта декларация,—мы заявляем, что покидаем Учредительное Собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контр-революционной части Учредительного Собрания“.

После этого декретом ВЦИК'а, принятым 7-го января 1918 года, Учредительное Собрание было распущено.

Во время разгона Учредительного Собрания произошли небольшие столкновения с организованными эс-эрами боевыми дружинами, но они никакого серьезного сопротивления оказать не могли, ибо массы покинули их.

Поэтому организованная соглашательскими партиями демонстрация была легко разогнана верными Советскому правительству частями войск.

Для всех было очевидно, что Учредительное Собрание было пройденная и давно изжитая массами ступень революции.

Высшей формой организации власти рабочих и крестьян являлись Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, всего лучше отвечавшие требованиям рабочих масс.

„Буржуазное общество есть та же война, та же бойня,—говорил в своей речи по поводу роспуска Учредительного Собрания тов. Ленин,— и это явление вызвало и обострило конфликт между Учредительным Собранием и Советами. И все, кто указывал нам на то, что мы когда-то защищали Учредительное Собрание, а теперь его разгоняем,—у тех мысли нет ни зерна, и только пышные пустые фразы, ибо некогда, по сравнению с царизмом или республикой Керенского, Учредительное Собрание было для нас лучше их пресловутых органов власти. Но по мере возникновения Советов последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира, и это явление я подчеркивал еще в апреле месяце. Советы, совершая коренную ломку буржуазной и помещичьей собственности, способствуя окончательному перевороту, сметающему все

следы буржуазного строя, толкнули нас на путь, который привел народ к строительству новой жизни“.

„Народ учился на опыте,—продолжал тов. Ленин,—перейдя через пытки, смертные казни, массовые расстрелы, и напрасно палачи его уверяют, что в восстании трудящихся виновны большевики или какие бы то ни было «диктаторы».

„Народ хотел созвать Учредительное Собрание, и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное Собрание, и теперь мы исполнили волю народа, которая гласит: «Вся власть Советам».

Этим закончился первый этап Октябрьской революции.

Но далеко не была окончена борьба за укрепление власти Советов. Буржуазия, помещики и соглашатели всех видов не хотели примириться с фактом захвата власти рабочими и крестьянами.

Они повели усиленную агитацию, начали организовывать своих сторонников и подняли знамя гражданской войны против власти Советов.

Они не остановились перед тем, не взирая на свой хваленый патриотизм, чтобы призвать иноземные войска против рабочих и крестьян России.

Однако, рабочие и крестьяне, организовавшиеся вокруг Советов и руководимые партией коммунистов-большевиков, повели ожесточенную борьбу против буржуазной и помещичьей контр-революции.

Наступили тяжелые дни голода, холода и разрухи, унаследованной от предшествующих правительств. Рабочие и крестьянские массы переживали нечеловеческие страдания, но они не прекращали борьбы против капиталистов и помещиков, и эта трудная, тяжелая борьба, как мы видим, кончилась поражением контрреволюции и победой рабочих и крестьян.

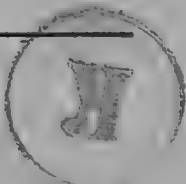
Своей победой в октябрьские дни рабочие и крестьяне обязаны не только благоприятно сложившейся международной и внутренней политической обстановке, но, главным образом, они обязаны тому, что руководила ими наша Коммунистическая Партия, накопившая огромный опыт в борьбе против самодержавного правительства во время революции 1905 года, в годы реакции и упадка и, в особенности, во время власти буржуазно-соглашательского правительства Керенского.

Коммунистическая Партия, имея многолетний опыт революционной борьбы, руководила рабочими и крестьянскими массами, указывала им пути предстоящей борьбы, настойчиво и терпеливо раз‘ясняла несознательным массам их истинные цели и задачи.

Коммунистическая Партия вносила организованность и сознательность в стихийную борьбу против буржуазии и помещиков, рабочих и крестьянских масс. Она научилась, в борьбе с общими врагами, ценить значение крепкого союза рабочих и крестьян.

Указатель литературы.

Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, изд. Гиз., 1924 г.
Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, ч. II, изд. Гиз.
Г. Зиновьев. Сочинения, т. VII, ч. I, изд. Ленгиз, 1925 г.
И. Сталин. „На путях к Октябрю“, изд. Гиз. 1925 г.
„Красная Летопись“. Исторический журнал, № 2—3, № 6, 1922—1923 г.г., изд. Гиз. Москва — Ленинград.
С. Пионтковский. „Хрестоматия по истории Октябрьской революции“, изд. „Красная Новь“. Москва. 1924 г.
К. Шелавин. „Очерки русской революции 1917 г.“, ч. I, изд. „Прибой“, 1923 г.
С. Пионтковский. „Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход“. Истпарт, изд. Гиз. Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

